
Борис КРАСИН

ИГРА ВООБРАЖЕНИЯ

Повесть

Вместо предисловия

Много лет назад Валентин Петрович Катаев, тогда — главный редактор журнала «Юность», был приятно удивлен удачной находкой одного начинающего автора, сравнившего стоячую воду пруда с пыльной крышкой рояля. Вскоре после дебюта в «Юности» молодой писатель опубликовал повесть и несколько рассказов, отразивших дух эпохи, настроения и переживания его сверстников, а потому стал литературным кумиром нескольких поколений читателей. Впоследствии, испытав себя в таких сочинениях, как «Поиски жанра» и «Опыт записи летнего сна», он пустился в странствие по вольным просторам литературного авангарда, где нет тормозов и ориентиров, кроме всплесков собственной фантазии. Прошлая жизнь в его изображении все более приобретала черты фантазмагии. В последнем его романе отголоски этой жизни слились в подобие кваканья, сопровождавшего хлопотливую возню обитателей водоема, обманчиво спокойная поверхность которого когда-то напомнила нашему кумиру пыльный рояль. Кваканье, доносившееся оттуда, было настолько отчетливым, что именитый писатель вынес его в заглавие романа — «Москва ква-ква».

Его бывшим почитателям повезло больше. В нашей памяти прежняя жизнь сохранилась такой, какой она была в реальности — наполненной воздухом, солнечным светом, невыдуманными радостями, печалью, весельем, грустью, тоской. Эти настроения наш бывший кумир на редкость точно передал в одном из своих рассказов, когда писал о том, как они всей компанией сидели в буфете симферопольского вокзала в ожидании поезда, «шумно пируя, словно рыцари и прекрасные дамы под сводами нормандского замка. Мы делили голубой огонь пунша и перловку и бросали кости нашим собакам. Боже мой, думал я, смертные люди! Ведь невозможно даже подумать, что всех нас когда-нибудь не станет, в это невозможно верить, это невозможно понять... Что же делать? Может быть, нужно верить друг в друга, в то, что соединило нас сейчас здесь? Ведь мы же все должны друг друга утешать, ободрять, все время разговаривать друг с другом о хорошем, житейском, чуть-чуть заговаривать зубы, устраивать веселую кутерьму, а не ехидничать и не подкладывать друг другу свинью».

Такой нам и запомнилась прежняя жизнь, а в ней — те несколько дней ранней осени, что мы провели однажды на пляжах Рижского взморья.

Борис Всеволодович Красин живет в Москве. Окончил Институт иностранных языков им. М. Тореза. По опыту работы — журналист, политолог. Член Союза журналистов. Работал корреспондентом на радио, литсотрудником в газете «Московский комсомолец», писал сценарии для телевидения. В настоящее время — ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН им. Е. Примакова, где был главным редактором журнала «Россия и новые государства Евразии». В жанре художественной прозы публиковался в журналах «Нева» и «Ковчег».

День первый

Со стороны пляжа вдоль ограды тянулась густая поросль жимолости, и сначала мне показалось, что на корте никого нет. Лишь подойдя ближе, я увидел Валентина и его девушку. Они сидели под парусиновым тентом на скамье, где мы оставляли свои доспехи, когда приходили играть в теннис. Его девица — дородная блондинка с милостивым лицом добросердечной простушки — совсем раскисла. Губы у нее слегка распухли, она раз или два шмыгнула носиком, прижимая скомканный платок к покрасневшим глазам. Валентин выглядел растерянным. Чувствовалось, что затянувшееся прощание выбило его из привычной колеи.

— Надо идти, — сказал я. — Иначе она опоздает.

Валентин с готовностью встал и поднял с земли ее чемодан. Девушка всхлипнула. Я отвернулся и не спеша пошел к выходу. За спиной у меня послышались срывающийся плаксивый голос и басок моего приятеля. Мы обогнули главный корпус турбазы и еще издали увидели, что все отъезжающие уже погрузились в автобус.

— Давайте-ка поторапливаться, друзья, — сказал я и перешел на иноходь.

Взревел мотор. Валентин с ходу втащил чемодан в автобус, вышел и подтолкнул свою подругу к двери. Она потянулась к нему, глядя обожающими страдальческими глазами.

— Ну-ну, Зоенька, не унывай, — сказал мой приятель, чуть смутившись.

Он наклонился, торопливо поцеловал девушку в щеку и посадил ее на подножку. Она обернулась, хотела что-то еще сказать, но лишь махнула рукой. Дверь со скрежетом захлопнулась. Кругом махали руками, кто-то, высунувшись из окна, посылал провожающим воздушные поцелуи.

— Ну, кажется, этих отправили, — сказал Валентин с облегчением, когда автобус тронулся.

— Погоди, ты для приличия хоть помаше ей ручкой на прощание.

Он принялся махать, потом поднес руку к лицу и сделал движение, будто вытирает слезу.

— Ну, это уже лишнее, — сказал я.

— Ничего не лишнее, — пробормотал Валентин, провожая взглядом автобус. — Когда девчушка в таких растрепанных чувствах, скупые мужские слезы не повредят. Знаешь, похоже, она и правда в меня втрескалась. Давненько такого не видел.

— Она откуда?

— Кажется, из Сызрани. Или из Саранска.

— Чего же ты удивляешься? Такого орла, как ты, не то что в Сызрани, в самой Москве надо поискать, и то не сразу найдешь.

— Ты так считаешь?

— Как будто ты сам не знаешь! По-моему, ты переборщил. Надо же было довести девчушку до такого состояния.

— Да я особо и не старался. Все как-то само собой получилось. Ну, теперь немного поспим и снова в бой, — сказал Валентин и засмеялся.

Мы жили в Плависе уже вторую неделю. К самому корпусу турбазы подступали сосны, и у нас в комнате всегда пахло хвоей и смолой. В редкие ненастные дни глухой рокот прибоя, доносившийся с залива, сливался с шумом ветра в кронах деревьев, и тогда нам всю ночь был слышен монотонный успокоительный гул. По утрам мы просыпались от музыки, гремевшей над турбазой. Наш радист каждый день заводил одну и ту же пластинку — попури из «Бриллиантовой руки». И эта

музыка, мелодии песен про зайцев и про остров невезения, льющаяся в окно комнаты с запахом хвои и морского воздуха, с сиянием солнца и голубого неба, с блестящими каплями на влажных сосновых иглах за окном, давали такое ощущение радости и полноты жизни, что хотелось продлить счастливый миг пробуждения к благодатной действительности нового дня.

Стояла солнечная, необычно теплая для начала сентября погода, и мы много времени проводили на берегу, купались, загорали, играли в кружок в волейбол. Лишь два дня выдались ненастными, с залива дул ветер, становилось прохладно. Пляж пустел, обитатели турбазы разбредались в читальню, биллиардную, собирались в музыкальном салоне — небольшом зале с роялем и радиолой, где по вечерам устраивались танцы.

База «Плавис» была перевалочным пунктом какого-то туристского маршрута по Прибалтике, и каждые три дня на смену отъезжающим прибывала новая группа туристов. Их возили на экскурсии в Ригу, Сигулду, устраивали прогулки на теплоходе по Леилупе. Иногда мы с Валентином приглашали к себе на вечеринку кого-нибудь из новых знакомых. Организацией досуга и развлечений «отдыхальщиков», как он нас называл, на турбазе ведал симпатичный литовец Йонас, с которым мы сразу подружились. Он дал нам шестиструнную гитару из своего инвентаря. Немного поупражнявшись, я вспомнил те несколько песенок, которые выучил еще в институте. Мой репертуар был более чем скромным — три или четыре романса да с полдюжины песен на английском языке, — но Валентин уверял, что на девчушек пение действует лучше, чем выпивка.

Он разбудил меня в начале первого. Мы спустились на широкий балкон, тянувшийся вдоль корпуса турбазы на уровне второго этажа. Отсюда удобно было наблюдать, как внизу из подъехавшего автобуса выгружается очередная группа туристов. Растянувшись цепочкой, с чемоданами и спортивными сумками они шли от автобуса к нашему корпусу. Валентин, облокотившись о перила, разглядывал приезжих.

— С каждым заездом все хуже, — пробормотал он, однако уже спустя минуту воскликнул: — Э, гляди-ка, какой цыпленок! Кажется, это то, что я искал всю жизнь.

Девушка была небольшого роста и обликом действительно напоминала недавно вылупившегося цыпленка — желтое платье с пышной юбкой, пышные, светлорусые волосы, хорошенькое личико с золотистым загаром, какой бывает только у блондинок.

— Симпатичная девчушка, — сказал я.

— Симпатичная — это не то слово, — возразил Валентин, глядя на девушку в желтом не отрываясь. — Таких здесь еще не было. Это тебе не чушка из Сызрани. Тут есть ради чего расстараться.

Он быстрым шагом пересек балкон и сбежал по лестнице вниз. Не подозревая об опасности, девушка в желтом с трудом тащила чемодан, который, судя по размеру, вместил весь ее гардероб. Дальше в веренице приезжих я заметил двух девиц в больших солнцезащитных очках. Их лиц я разглядеть не мог, но, судя по туалетам и по какой-то неуловимой особенности облика, решил, что они приехали из Москвы.

Валентин подошел к девушке в желтом платье и решительно забрал у нее чемодан. Вскоре он и его хорошенькая спутница появились на балконе, и до меня донесся красивый басок моего приятеля.

— Я тут приставлен специально, чтобы таскать большие чемоданы маленьким девчушкам. И знакомить их с местными достопримечательностями. А главное, не давать им скучать.

Валентин, голубоглазый и загорелый, в облегающих белых брюках и голубой рубашке с короткими рукавами, открывавшими его мускулистые руки, с выражением бесшабашной отваги на лице был необыкновенно хорош собой.

— Правда?! — изумленно лепетала девушка, всплескивая руками. — Первый раз такое встречаю.

— У нас тут сервис на европейском уровне, — басил Валентин. — А если будешь себя хорошо вести, я покажу тебе разные местные чудеса.

— Какие чудеса? — допытывалась девушка, не спуская с него глаз.

Держась на расстоянии, я прошел за ними в вестибюль, где уже толпились приезжие. В регистратуре Инга и вторая девушка, имени которой я не помню, распределяли вновь прибывших по комнатам. Инга, в ладном светло-зеленом костюмчике с русыми волосами, подвязанными белой ленточкой, хорошенькая и деловитая, оформляла документы приезжих. Я втайне симпатизировал ей с первого дня, с того самого момента, когда, вернувшись с пляжа, подошел к регистратуре за ключом от нашей комнаты. Издали увидев меня, она с приветливой улыбкой протянула мне ключ прежде, чем я успел сказать ей наш номер. Я подумал, что, должно быть, она обратила на меня внимание, и потому чувствовал к ней особое расположение.

В очереди у регистратуры я увидел человека лет тридцати пяти с зачесанными назад светлыми курчавыми волосами, с очками на кончике носа, в тренировочных шароварах и красной клетчатой ковбойке. Он озирался по сторонам с таким выражением лица, словно ему только что дали понюхать тухлое яйцо, и теперь он ищет, с кем поделиться своими ощущениями. Впоследствии, когда мы познакомились поближе, оказалось, что эта мина присутствует у него на лице постоянно. Однако Валерий Алексеевич Павленко оказался на редкость добродушным человеком и тонким юмористом. Мы с Валентином потом не раз приглашали его к себе на вечеринки. Он по большей части молчал, но при взгляде на его унылую физиономию самый никудышный тост казался шедевром остроумия.

Через несколько человек от Павленко в очереди стояли две девушки, которых я принял за москвичек. Одна из них, кареглазая блондинка, стриженная «под мальчика», была по-настоящему красива. Слегка вздернутый носик придавал ее личику надменное выражение — на нем застыла гримаска брезгливости. У другой девушки, не такой яркой, но тоже очень хорошенькой, было более живое и осмысленное лицо.

Очередь продвигалась, и наконец Валентин, подхватив увесистый чемодан, затопал вверх по лестнице. Девушка в желтом поспешила за ним.

На обед мы опоздали. Валентин рассчитывал сесть за один стол с Цыпленком — так он теперь называл девушку в желтом, — но когда мы спустились в столовую, у окна раздачи уже никого не было. Погрузив тарелки на подносы, мы двинулись по проходу, высматривая свободные места, и еще издали увидели Цыпленка в дальнем конце зала. За одним столом с ней сидели другая темноволосая девушка и двое молодых людей, видимо, тоже из нового заезда — раньше я не видел их среди отдыхающих.

— Похоже, ты опоздал, — сказал я, когда мы шли по проходу, высматривая свободный стол.

— Это не страшно, — ответил Валентин на ходу. — Мы с ней договорились после обеда встретиться на пляже. Так что никуда она не денется.

Когда мы проходили мимо них, девушка в желтом приветливо улыбнулась ему. Валентин с довольным видом подмигнул мне.

— Видал?

Мы расположились за соседним столиком, и Валентин принялся с аппетитом уплетать селянку, плотоядно поглядывая на девушку в желтом. Она и впрямь была необыкновенно мила. С хорошенького почти детского личика с пухлым ртом и живыми лукавыми глазками почти не сходила улыбка. Коротковатая верхняя губка приоткрывала щербинку между зубами. Очевидно, девчушка стеснялась этого изъяна своей внешности и старалась держать ротик закрытым. Она внимательно слушала своих соседей по столу, переводя взгляд с одного на другого — те наперебой рассказывали что-то смешное, — и поминутно заливалась звонким смехом. Рассмеявшись, она тут же спохватывалась, пыталась сомкнуть губки, но снова прыскала от смеха.

— И правда девочка прелесть, — сказал я.

— Говорят же тебе, таких здесь еще не было, — проговорил Валентин, смачно прожевывая лангет. — Я собираюсь заняться ей всерьез, — доверительно сообщил он, понизив голос.

Она, не подозревая об опасности, смеялась так, что на нее оглаживались из-за соседних столиков. Мне окончательно перестала нравиться затея Валентина.

— Ты зря будешь терять время, — сказал я. — Она не из таких. Это же сразу видно.

— Тем больше спортивный интерес.

— Если тебе нужен спортивный интерес, займись-ка лучше вон теми девицами, — я показал глазами на девушек, по моим предположениям, приехавших из Москвы. — Здесь тебе будет и спортивный интерес, и все остальное. Правда, я думаю, они тебе не по зубам, — добавил я, чтобы раззадорить Валентина и отвлечь его внимание от Цыпленка.

Он окинул внимательным взглядом девушек, сидевших через два столика от нас. Они с независимым и немного брезгливым видом ели суфле.

— Мне не по зубам?! — Валентин снисходительно рассмеялся.

— Конечно, тебе. Хочешь на спор?

— Ты наверняка проспоришь.

— Сомневаюсь.

— На что спорим?

— На что угодно. В пределах разумного, конечно.

— Ладно, я подумаю, на что тебя наказать, — сказал Валентин. — Но сперва надо поближе разглядеть этих девчушек.

Он встал из-за стола и пошел за второй порцией лангета. Проходя мимо москвичек, Валентин засмотрелся на них и споткнулся о стул, который кто-то оставил в проходе между столиками. Обе девушки засмеялись.

— Не знаю, что делать, — озадаченно сказал Валентин, возвращаясь на место и не спуская глаз с улыбающихся девиц. — У меня прямо-таки мозги набекрень.

— А что тут можно делать?

— Не могу решить, кем заняться в первую очередь, — пояснил он. — Как видно, придется действовать на два фронта.

После обеда я поднялся к себе в комнату, захватил с постели покрывало, мохнатое полотенце, книгу, сложил все это в спортивную сумку и отправился на пляж. От турбазы до берега было не больше двухсот метров, и я шел между деревьями по упругой пахучей хвое, устилавшей землю. За грядой прибрежных дюн, поросших ивняком, открывался вид на белый под ярким солнцем песчаный пляж, на залив, голубое небо с редкими белыми облачками.

У кустов, где из песка растет бледно-зеленая колючая травка, я расстелил покрывало, разделся до плавок и некоторое время сидел, глядя на залив. В прозрачном воз-

духе хорошо была видна вышка спасательной станции в двух километрах к югу, в сторону Каугури, которую обычно скрывала дымка, висевшая над пляжами. Над водой с пронзительными криками носились чайки.

От жары и послеобеденной истомы я быстро сомлел и, чувствуя приятную расслабленность, откинулся навзничь, прикрыл глаза полотенцем от слепящего солнца и погружился в блаженную невесомость между сном и явью. До меня еще доносились детские голоса и отдаленные крики чаек, потом все стихло. Кажется, я задремал.

Проснулся я от звонких ударов мяча, бодрых выкриков и смеха. Неподалеку отдыхающие с турбазы играли в кружок в волейбол. Среди них я увидел Валентина. Рядом со мной на покрывале лежали его аккуратно сложенные белые брюки и рубашка. Скоро из-за кустов показались две девушки, которых я принял за москвичек, обе в ярких халатиках и солнцезащитных очках. Они в нерешительности постояли, озираясь по сторонам, разделись до купальников и отчужденно улеглись на песок в стороне от играющих, но достаточно близко, чтобы быть на виду. Наконец из-за кустов в нескольких шагах от меня в сопровождении своей темноволосой подруги появился Цыпленок. Валентин отделился от круга играющих и бодрой трусцой направился к ним.

— Цыпленок, опаздываете, — сказал он, подбегая. — Мы вас уже сорок минут ждем.

— Как сорок минут?! — девушка в желтом сарафане в изумлении замерла на месте.

— Ну, шучу, шучу, — снисходительно засмеялся Валентин. — Не сорок минут, но полчаса уже точно. Если вы будете и дальше так копать, то пропустите все самое интересное.

Он взял из рук второй девушки покрывало и расстелил его на песке рядом.

— Располагайтесь, девчушки. Здесь вам будет хорошо, — сказал Валентин, усаживаясь на мою подстилку. — Кстати, познакомьтесь, это мой лучший друг Герман. Да, Цыпленок, а тебя-то как зовут?

— Ира.

— А твою подругу?

— Олечка. Она тоже моя самая близкая подруга, — сказала девушка в желтом и с любопытством посмотрела на меня.

— Вот и отлично. Значит, будем дружить вчетвером, — твердо сказал Валентин.

Ирочка стала через голову стаскивать с себя сарафан. Прежде чем уронить его на песок, она на секунду грациозным движением задержала свое одеяние двумя пальчиками, затем, нимало не смущаясь присутствия двух мужчин, с непосредственностью ребенка начала охорашиваться и поправлять свое оранжевое бикини там, где ей резало и тянуло. Не знаю, какая мысль застыла в плотоядном воображении моего приятеля вместе с остолбенелым выражением на его лице, когда Ирочка освободилась от своего сарафана. Но я, помню это очень хорошо, подумал, что природа потрудилась над этой девочкой руками не просто даровитого ваятеля, но утонченного эстета. Ни до, ни после я не видел столь безупречно выточенной, волшебной рельефной девичьей фигурки. У Валентина буквально отвисла челюсть. Взглянув на него, Оленька залилась румянцем и перестала расстегивать свой халатик.

— Ира, где же это у нас живут такие хорошенькие девочки? — спросил я. — Откуда вы приехали?

— Из Любеча, — сказала она, нисколько не смутившись.

— Это где?

— На Украине. Не так уж далеко от Киева, на Днепре.

Очевидно желая переменить тему разговора, девушка присела на корточки и взяла в руки мою книгу.

— А что это у вас?

- Очень симпатичный детектив. Называется «The smell of money» — «Запах денег».
- Это на английском?
- Да.
- А откуда вы знаете английский?
- Я когда-то учился в Институте иностранных языков.
- А потом совершенствовался в секретной разведшколе, — подхватил Валентин.

Это была его старая шутка. Рассказы о разведшколе были выдумкой Валентина. Он прибежал к ней каждый раз, когда хотел произвести впечатление на девиц, с которыми знакомился. Скорее всего, для него это не было банальным враньем. Во время службы в армии Валентин действительно имел какое-то отношение к разведке — кажется, работал на радиоперехвате, и теперь в своих развесистых фантазиях он мысленно продолжал карьеру сотрудника спецслужб. Однако у моего приятеля не доставало изобретательности, чтобы его воображаемая шпионская деятельность не выглядела слишком примитивной или откровенно смешной, а поскольку он постоянно приплетал меня к своим подвигам, то отдуваться за него и сочинять небывлицы о наших похождениях приходилось мне. Свое недовольство я вымещал тем, что старался придать подвигам Валентина карикатурный характер. Я уже несколько раз просил не ставить меня в глупое положение, и он божился, что больше это не повторится, но, как видно, очаровательная девочка из Любеча так подействовала на его воображение, что он снова не выдержал.

Я многозначительно покрутил пальцем у виска.

— Герман, а почему вы ему так показываете? — Ирочка с забавной неуклюжестью повторила мой жест.

— Он не хочет, чтобы я выдавал наши профессиональные секреты, — ответил за меня Валентин. — Но это потому, что он совсем тебя не знает. Я-то сразу понял, что тебе можно довериться.

— Как бывалый разведчик, — вставил я.

— А какие секреты? — глаза Цыпленка зажглись детским любопытством.

— Мы с Германом учились в сверхсекретной разведшколе.

— Между прочим, Валентин свободно говорит на шести языках, причем таких, которые, кроме него, никто не знает, — сказал я. — И еще он может почти полтора месяца обходиться без воды и пищи. Поэтому сейчас в столовой ест за троих.

— Ну, ты все же не очень-то, — попытался вставить Валентин.

— К чему скромничать, Валя? — перебил я. — Уж если ты доверяешь Ирине и Олечке, то у меня от них тоже нет секретов. Свержение режима кровавого диктатора Скаперландера, может, слышали? — девушки переглянулись. — Так вот, это его работа. Валентина внедрили в ближайшее окружение этого кровопийцы и душителя своего свободолюбивого народа в качестве то ли камердинера, то ли капельдинера. Потом он выполнял обязанности его личного адъютанта, причем ему доверили по ночам отгонять мух и давить клопов на койке у диктатора, пока тот спал. Валентин настолько хорошо справлялся с этой работой, что за полгода дослужился до чина полковника и стал начальником личной охраны этого палача. Ну, а остальное, как говорится, было делом техники.

— Валя, вы уже полковник?! — ахнула Ирочка. — А мой папа только майор...

— Это он в ихней армии был полковником, — пояснил я. — А какой его чин у нас, никто толком не знает. За особые заслуги Валя не раз получал повышения по службе вне очереди. Ведь он возглавлял ударную группу при высадке наших в заливе Кочинос. Там такое было!

— Ой, как интересно! — воскликнула Ирочка, не спуская восхищенных глаз с Валентина.

— Если вам это интересно, он потом расскажет и про эту операцию, и про клопов, и про все остальное. Только, пожалуйста, не сейчас! — добавил я, заметив, что мой приятель порывается что-то сказать. — Мне эта история известна во всех подробностях. Она у нас в разведорганах наделала тогда много шума.

— Олечка, ты только подумай, с какими замечательными людьми мы познакомились! — сказала Ирочка.

— Валентин же обещал, что ты узнаешь массу интересного, если будешь умницей.

— А что вы делаете в Плависе?

— Находимся на заслуженном отдыхе, — со скромным достоинством ответил Валентин.

— После выполнения очередного сверхсекретного задания, — добавил я. — Возможно, скоро об этом напишут в газетах. Фотографий, конечно, не будет. Мы ведь засекречены. И фамилии будут изменены. Валентин там выступает под именем майора Пронина, а я — капитана Кольцова. Валя, может, расскажешь девочкам об этой операции?

— Нет, еще не время, — важно изрек Валентин и встал. — Ну ладно, ребятки, я пойду немного разомнись. Гера, а ты пока покарауль девчушек, чтобы их никто не увел. Смотрите у меня!

Валентин погрозил девушкам пальцем и бодрой трусцой направился к кружку играющих в волейбол. Ирочка проводила его мечтательным взглядом. Ольга тоже приготовилась загорать. Синеглазая, с миловидным лицом, густыми черными волосами, собранными в тяжелый узел на затылке, она была красива медлительной южной красотой. Когда она сняла халатик и осталась в закрытом синем — под цвет глаз — купальнике, я отметил, что у нее красивая, но, пожалуй, чуть грузноватая для такой молоденькой девушки фигура. Похоже, она стеснялась своих откровенно соблазнительных форм, и очаровательная застенчивость делала ее необыкновенно женственной и привлекательной.

Ирочка была расположена поболтать. Похоже, ее всерьез заинтриговал разговор о подвигах Валентина.

— Гера, а знаете, я ведь тоже хотела поступить в Институт иностранных языков, как вы с Валей. Ездил в Москву, сдавала экзамены в Институт Мориса Тореза.

— Не поступила?

— Нет. Получила тройку за сочинение и больше не стала сдавать.

— Зря. Надо было попробовать свои силы в английском. По крайней мере, знала бы, на что ты способна и какие там требования.

— На следующий год попробую. Я уже решила, что опять буду поступать.

— А чем пока будешь заниматься?

— Пойду работать на почту. Мама уже с ними договорилась.

— Сколько же тебе лет?

— Уже скоро восемнадцать.

— Как же папа с мамой не побоялись отпустить тебя одну так далеко?

— Не одну, а с Олечкой.

— Олечка ведь, наверное, не старше тебя.

— Нет, ей уже исполнилось восемнадцать.

— О, совсем взрослая!

— Конечно, взрослая. И я скоро буду взрослой.

— Только когда будешь заканчивать инъяз, ни в коем случае не соглашайся потом поступать в разведку.

— А разве девушек туда берут?

— Конечно, берут. Особенно таких хорошеньких.

— Но это так интересно! И там такие замечательные люди!

— Конечно, интересно. Но это очень опасная и трудная работа. Вот Валентин, например...

Я не успел развить свою мысль, меня прервали громкие возгласы. Мы обернулись и увидели, как Валентин в эффектном прыжке у самой земли отбил безнадежный мяч, красиво упал на песок и тут же пружинисто вскочил. В кружке волейболистов дружно зааплодировали. После этого Ирочка уже не отрываясь смотрела на моего приятеля.

Валентин неспроста пригласил ее на пляж и затеял игру в мяч. Высокий, подтянутый, с рельефной мускулатурой ладного торса и ровным загаром, он одним своим видом привлекал к себе завистливые взгляды мужчин и восхищенные взоры девушек, собиравшихся на пляже. В его движениях чувствовалась пластика спортсмена, прекрасно владеющего своим телом. Принимая мяч, он упруго приседал, красивым и точным движением отдавал пас, подбадривал играющих. Я заметил, что москвички, расположившиеся у кустов, сняв темные очки, тоже не отрываясь смотрят на волейболистов.

— Как Валя хорошо играет! — с восхищением произнесла Ирочка.

— Да, он занимался многими видами спорта, — подтвердил я, — и по одиннадцати или двенадцати видам выполнил нормативы заслуженного мастера. Например, в волейбол он тренировался с нашей олимпийской сборной. Его должны были забросить на британскую военную базу в Танжере. Они тогда держали первенство по волейболу среди частей британского экспедиционного корпуса в Африке. Валентин должен был во время банкетов, когда все напивались после очередной победы над соперниками, выведывать у них секреты о планах операции против Роммеля и о настроях в их войсках. Как видишь, ему это очень пригодилось. И мне, кстати, тоже.

— А вам почему? — Ирочка с любопытством обернулась ко мне. — Вы тоже тренировались с нашими олимпийцами?

— Нет, Бог с тобой. Мне до этого далеко. Но когда Валентин играет в волейбол, я говорю всем, что я близкий друг этого замечательного парня.

— Но вы ведь, наверное, тоже что-нибудь умеете? — попыталась утешить меня Ирочка.

— Конечно, и даже очень многое. Но с Валентином я тягаться все же не могу.

Другой приметной фигурой в кружке волейболистов был наш радист Боря из АПН. Глядя на Валентина, на его прыжки и падения, он, как мог, старался подражать ему. Но при его худосочном телосложении, при синюшной, не поддающейся загару коже, покрытой рыжим волосом, при угловатой неуклюжести движений его тяжеловесные прыжки и падения выглядели просто жутко. Каждый раз казалось, что, рухнув на землю, он переломает себе кости и не сможет встать. Однако Боря из АПН чувствовал себя вполне комфортно. Он косился сквозь темные очки на московских девиц, раз или два как бы невзначай посылал мяч в их сторону и сам бежал за ним, работая руками, как вентилятор. При этом он выворачивал шею, чтобы получше разглядеть двух красоток.

— А это кто? — почти с ужасом спросила Ирочка.

— Это наш радист. То есть считается, что он работает на турбазе радистом.

— А на самом деле?

Я уловил в ее вопросе нотку надежды, что хоть этот странный субъект не имеет отношения к разведорганам.

— А на самом деле он под видом представителя внешнеторгового объединения «Тяжмашлегпромзагранпоставка» возглавляет нашу резидентуру в Бурунди. Сейчас он тоже на заслуженном отдыхе.

— Сколько же здесь разведчиков! — озадаченно произнесла Ирочка.

— Наше начальство выбрало эту турбазу потому, что она находится на отшибе и здесь тихое место. Нам не разрешают отдыхать на модных курортах.

— Но почему?! Ведь у вас такая трудная работа.

— Там можно нарваться на людей из иностранных разведок. А в Плависе никого, кроме своих, не встретишь. Правда, на всякий случай мы делаем вид, что не знакомы друг с другом. Обрати внимание, например, вот на этого товарища. Только осторожно, не смотри так пристально в его сторону.

Шагах в пятнадцати от нас на песке лежал мужчина средних лет, во всяком случае, еще не старый и отнюдь не толстый, но с очень большим животом. Приподнявшись на локте, из-под надвинутой на глаза соломенной шляпы он смотрел на играющих в мяч. Его большое розовое брюхо скособоилось и лежало рядом, как бы отдельно от него, словно тыква на грядке в огороде. Взглянув на него, Ирочка засмеялась рассыпчатым серебристым смехом.

— Оленька, посмотри, какой смешной дядечка!

— Не надо над ним смеяться, — сказал я. — Ему живется вовсе не сладко.

— Откуда вы знаете?

— Неважно откуда, но знаю. Имей в виду, если у человека отрастает такой живот, значит, он мало двигается и много страдает.

— От чего страдает?

— От несварения желудка.

— Нет, вы, наверное, шутите!

— У нас не принято шутить над товарищами по оружию, — сказал я сухо. — Этот человек почти четыре месяца не слезал с пальмы и питался одними бананами, выполняя спецзадание в низовьях Амазонки.

— Правда?!

— Зачем же мне тебя обманывать?

Ирочка испытующе посмотрела на меня.

— Ой, да ну вас, Герман! — она снова рассмеялась, но тут же спохватилась и сомкнула губки, чтобы скрыть щербинку. — Я думала, вы и правда, а вы, оказывается, шутите.

— Это я специально.

— Зачем?

— Чтобы увидеть, как ты смеешься. Когда ты смеешься, то становишься еще более хорошенькой.

— Ой, ну вы меня прямо в краску вгоняете! — она приложила руку тыльной стороной к щеке. — Олечка, посмотри, я покраснела?

Оленька внимательно и серьезно взглянула на подругу и, хотя на загорелом личике Цыпленка румянец не был замечен, молча кивнула. Мне кажется, за все время я так ни разу и не услышал ее голос.

— Ну, вот видите! — сказала Ирочка. — Герман, ну правда, не надо так!

— Я не могу тебе обещать, что больше не буду.

— Почему же?

— Потому что когда ты смущаешься и краснеешь, то становишься даже еще красивее, чем когда смеешься. И смотреть на тебя в это время очень даже приятно. За чем же я буду лишать себя такого удовольствия?

— Ну вот, вы опять! Ну, вы прямо совсем какой-то невозможный!

— Хорошо, солнышко, я больше не буду. Если тебе это неприятно, я не стану говорить тебе, что ты на редкость хорошенькая и милая девочка.

— Просто я очень стесняюсь, — сказала Ирочка и действительно залилась румянцем.

Впрочем, мне и самому перестал нравиться этот разговор. «Вот так всегда, — подумал я. — Вовремя не остановишься, а потом самому становится противно от своей болтовни». Кроме того, мне вовсе не хотелось, чтобы эта милая, доверчивая девочка с первых шагов своей взрослой самостоятельной жизни стала объектом кобеляжных маневров Валентина. Между тем, рассказывая небылицы о подвигах моего приятеля, которым она, похоже, по большей части верила, я, по сути дела, лил воду на его мельницу. От этой мысли мне и вовсе стало не по себе. Я лег на спину и закрыл глаза.

Ирочка некоторое время возилась, шуршала чем-то, щелкала замочком пудреницы, потом затихла. Совсем легкий ветерок с залива приятно оведал мое тело, и было хорошо лежать так без мыслей, без чувств, словно растворившись в истоме и в солнечном свете этого прекрасного дня.

Позже, когда я открыл глаза, обе девушки лежали рядом, наверное, задремали. Ирочка налепила на курносый носик клочок белой бумаги. Я бесшумно встал и пошел к воде. Песок под ногами становился влажным и прохладным. От берега до отмели вода была прозрачная и совсем теплая — прогрелась от солнца. За отмелью дно плавно понижалось. Погрузившись по пояс, я несколько раз окунулся с головой, чувствуя, как холод охватывает все тело, лег на спину и, глядя в глубокую синь неба, медленно поплыл от берега.

Валентин вернулся с пляжа через полчаса после меня. Чуть раньше заходил Боря из АПН, и мы договорились ближе к шести встретиться на корте. Когда пришел Валентин, я лежал на кровати. В комнате была приятная прохлада, свежо и сильно пахло хвоей.

— Знаешь, похоже, у меня дело идет на лад, — сообщил Валентин, с довольным видом усаживаясь против меня на свою постель.

— Поздравляю.

— Поздравлять пока рано, но, во всяком случае, она не брыкалась, когда я после волейбола сгрел ее в охапку и потащил в воду, чтобы искупать.

— Просто она по своей наивности не догадывается, что будет дальше.

— Я, конечно, ничего такого себе не позволял. Но, по-моему, девчушка порядком сомлела.

— Еще бы! Ты бы видел, с каким восхищением она смотрела на твои ужимки и прыжки.

— Ты тоже заметил? — Валентин рассмеялся. — И мне показалось, что тут я попал в точку.

— Ты попал сразу в две точки, если уж на то пошло. Московские девицы тоже не спускали с тебя глаз.

— Но ты не расстраивайся, — сказал Валентин, укладываясь на постель. — Ты тоже понравился Цыпленку.

— Мне ей нравится совершенно ни к чему.

— Рассказывай! Стал бы ты вешать ей на уши всю эту лапшу! Не представляю, чем ты ее довел до такого состояния. Она мне все уши прожужжала. Герман, говорит, такой умный, такой умный!

— Девчушки всегда говорят про мужиков, что они умные, когда им больше нечего сказать, а обижать человека не хочется. Так что успокойся, я тебе не конкурент.

— Никогда не поверю, что тебе не нравится никто из этих девиц.

— Почему же? Нравится, конечно.

— Кто, например?

— Да хотя бы Цыпленок.

— Ты же сам сказал, что она слишком маленькая.

— Слишком маленькая, чтобы приставать к ней с глупостями. А чтобы нравиться, она достаточно большая.

— Давно ли ты стал так заботиться о нравственности девчушек?

— Достаточно давно, — нехотя ответил я.

— Что-то я не замечал.

— Таких девочек надо беречь, иначе скоро их совсем не останется. Странно, что ты сам этого не понимаешь.

— Пускай берегут другие. А мне нравится с ними дружить.

Разговор был вполне мирный, даже дружелюбный, но я почувствовал, что самоуверенность и самодовольство Валентина начинают меня раздражать.

— Дружи на здоровье, — сказал я. — Но только учти, что с Цыпленком ты только зря потеряешь время.

— Это еще почему?

— Я ее предупредил, чтобы она не очень-то развешивала уши, — соврал я.

— Чует мое сердце, что ты подложил мне какую-то свинью.

— Сам виноват. Нечего было опять затевать этот идиотский разговор о разведшколе. Я же тебя просил.

— Не обижайся. Уж очень мне понравилась эта девчушка. Надо было как-то нейтрализовать конкурентов.

— Ты зря беспокоишься. Конкурентов у тебя здесь нет.

— А эти двое, что были с ними в столовой?

— Они не в счет. Посмотри на себя в зеркало. Им с тобой тягаться просто невозможно. Особенно после твоего выступления на пляже.

— Ведь они к ней пристали еще до пляжа.

— Во всяком случае, не вздумай лезть к ней с глупостями. Иначе она будет от тебя шарахаться.

— Что ты ей сказал?

— Сказал, что ты действительно настоящий герой, гордость отечественных разведслужб. Но за тобой водится маленькая слабинка, из-за которой получаются всякие неприятности.

— Какая еще слабинка?! — Валентин сел на кровати и уставился на меня.

— По части девчушек. Я рассказал ей, что ты провалил из-за этого ответственную операцию в Стокгольме и тебя едва не уволили из органов, но за особые заслуги временно разжаловали в простые прапорщики.

— Этого мне только не хватало!

Валентин снова лег на спину, уставился в потолок и обиженно замолчал. Зная отходчивость моего приятеля, я не придавал этому значения. Позже я собирался признаться ему, что история со стокгольмским провалом — очередная брехня и что никакого разговора с Цыпленком у меня не было. Однако молчание становилось тягостным. Я поднялся с постели, взял ракетку, теннисные тапочки и спустился вниз — каждый день перед ужином, когда спадала жара, мы с Борей из АПН час-полтора играли в теннис.

На балконе обладатель большого розового живота, не подозревая о своих подвигах в низовьях Амазонки, резался в поддавки с другим любителем шашек. Несколько человек, и среди них доктор Павленко, наблюдали за их игрой. В дальнем конце балкона сидела в шезлонге, подставив солнцу лицо, одна из московских девиц.

Чтобы скоротать время до прихода Бори из АПН, я достал из будочки в углу площадки метлу и стал подметать корт. Он был уже довольно густо усыпан сухими листьями и сосновыми иглами.

Боря из АПН жил где-то в поселке, кажется, снимал комнату. Он ни разу не пригласил нас к себе, хотя проводил с нами достаточно много времени и нередко заглядывал к нам на вечеринки. Знакомясь в день нашего приезда на турбазу, он сообщил, что вообще-то работает в Агентстве печати «Новости» — поэтому мы и прозвали его Боря из АПН, — но взял отпуск за свой счет на все лето и устроился на турбазу радистом, чтобы, по его словам, отдохнуть от сумасшедшей московской жизни.

Подспудно я чувствовал к нему не то чтобы расположение, но интерес, особенно после того, как услышал его игру на рояле. Проходя однажды после ужина через вестибюль, я обратил внимание на звуки фортепиано за закрытой дверью музыкального салона. Кто-то с большим чувством исполнял тему Терри из чаплинских «Огней рампы» — одну из самых завораживающих мелодий, которые мне когда-либо довелось слышать. Приоткрыв дверь, я увидел в пустом полутемном зале Борю из АПН. Он сидел за пианино и проникновенно, с большим чувством играл прекрасную музыку. Я подумал тогда, что, очевидно, у нас с ним гораздо больше общего, чем я мог предполагать. Помнится, эта догадка меня не обрадовала: Боря из АПН был не совсем обычным, но не слишком приятным человеком.

Я так и не смог привыкнуть к его чудачествам и никогда не знал, чего от него можно ожидать. На этот раз он вытворял на корте такое, что впору было не играть в теннис, а принимать усиленную дозу транквилизаторов. Он носился по площадке как ошпаренный, высоко подбрасывая колени и растопырив локти. При его черных «семейных» трусах до колен и мохлятых волосатых ногах зрелище было настолько несуразным, что я смотрел главным образом на него и часто промахивался по мячу. Минут через двадцать я не выдержал и подозвал его к сетке. Он подошел, поправляя на носу очки.

— Чего тебе?

— Откуда у тебя такая манера носиться по корту? Я такого никогда не видел.

— Я прочитал в книге Анри Коше, что это позволяет лучше мобилизоваться и увеличивает быстроту реакции.

— Ты что-то перепутал, — сказал я. — У нас дома тоже есть книжица Коше, но мне помнится, он рекомендовал такую беготную, чтобы после игры попасть в душевую раньше своих соперников.

— Тебе бы все шутки шутить, — сказал Боря из АПН, поджимая губы.

— Я тебя прошу, перестань. Я не попадаю по мячу, из-за того, что приходится смотреть, как ты бегаешь. Зрелище не для слабонервных.

— Это твоя проблема, — он тонко усмехнулся. — А мне надо отрабатывать новый стиль. Я же вижу, насколько это повышает класс игры. В следующий раз, когда будем играть на счет, я разделаю тебя в пух и прах.

К счастью, скоро пришли Цыпленок с Ольгой.

— Можно мы тут посидим? — робко спросила Ирочка.

— Конечно! — обрадовался я. — А где Валентин?

— Он сказал, что у него деловое свидание.

— Садитесь и смотрите. Сейчас Борис Аркадьевич покажет вам такое, чего вы в жизни не видели. Может, после этого и вам захочется поиграть.

Девушки сели на скамеечку под тентом и стали наблюдать за игрой. При них Боря из АПН перестал кривляться, и игра у нас наладилась.

Ужинали мы за одним столом с Цыпленком и Оленькой. Валентин был молчалив и потому особенно импозантен. Очевидно почувствовав перемену в его настроении, Ирочка немного сникла, казалась рассеянной и грустной. Я надеялся, что Валентин отнесет подавленность Цыпленка за счет того, что она переживает свое ра-

зочарование в нем в связи со стокгольмским конфузом, и что это сдержит его напор. Действительно, когда потом мы вместе до самых сумерек гуляли по пляжу, любуясь розовым закатом, мой приятель был более разговорчив, но на свой обычный слегка развязный тон не переходил и, по-моему, очень от этого выигрывал. Он лишь отпуская колкие шуточки в адрес гуляющих.

Мы несколько раз на встречах курсах разминулись с двумя москвичками. Для вечерней прогулки они переоделись и выглядели очень нарядными. При их приближении в голосе Валентина появлялись мужественные басовитые нотки. Постепенно он впал в свое обычное, боевое расположение духа и, как мне показалось, был готов к новым подвигам. Я не без удовольствия подумал, что заигрывать теперь он будет не с Ирочкой — к ней он почти не обращался.

После захода солнца мы в прохладных сумерках вернулись на турбазу. Из открытой двери зала в вестибюль доносилась музыка. Йонас и Боря из АПН хлопотали около большой радиолы, стоявшей у окна. Валентин окончательно взбодрился.

— Сейчас мы от души попляшем! — сказал он, потирая руки.

Когда, переодевшись, мы снова спустились вниз, посредине ярко освещенного зала под рокошующие такты «Голубого Дуная» уже кружились несколько пар. Боря из АПН с легкостью и щегольством, удивительным при его нескладной фигуре, скользил по паркету, увлекая в стремительном и плавном движении нашего Цыпленка. Широкая юбка Ирочкиного белого платья с крупными бордовыми цветами по подолу винтообразной волной вздымалась вокруг ее ног. На стульях вдоль стен сидела публика, наблюдая за танцующими.

После вальса Ирочка разругалась, ее глаза влажно блеснули. Она улыбалась рассеянной и мечтательной улыбкой, и было приятно, но почему-то грустно смотреть на нее. Мы стояли и болтали о каких-то пустяках. К нам подходили мальчики из их группы, Боря из АПН, еще какие-то молодые люди. Они уводили наших девушек танцевать, но каждый раз Ирочка, а за ней и Ольга возвращались к нам.

Танцующих прибывало. Доктор Павленко, покачивая плечами и стараясь попасть в такт, топтался возле молодой толстой тетке без талии. Он обхватил ее так, словно это был холодильник, который он собирался в одиночку сдвинуть с места. С его лица не сходило выражение, удивившее меня утром в вестибюле. Москвички сидели в сторонке, смотрели на танцующих и, кривя губки, обменивались репликами. Они явно выделялись из этой беззаботно веселившейся толпы своими нарядами и особым московским налетом. К ним никто не решался подойти. Валентин, приосанившись, издали бросал в их сторону гипнотизирующие взгляды. В его лице читалась несложная гамма чувств — мысленно он уже преодолел разделявшую нас дистанцию, но подойти к ним явно робел.

— Клевые девчухи, — сказал он, заметив мой взгляд, когда Цыпленка и Ольеньку в очередной раз увели танцевать.

— Да, девчухи хоть куда, — согласился я.

— Надо их кадрить, — сказал Боря из АПН, который стоял рядом.

— У тебя нет никаких шансов, — сказал я. — Не надо было на пляже выступать в неглиже. Ты бы видел, с каким ужасом они смотрели на твои прыжки. — Зрелище и правда было жуткое.

— Это мы еще посмотрим.

— Но я думаю, Гера, и тебе слабо к ним подойти, — сказал Валентин.

Я мысленно поздравил своего приятеля с находкой. Он придумал не самый плохой ход, чтобы завести знакомство.

— Мне это не надо, а то бы я подошел.

— Рассказывай, не надо! Скажи уж прямо, что кишка тонка!

Валентин меня явно подзуживал. Чтобы дать ему возможность отыграться за давешнюю обиду, которую я причинил ему разговором с Цыпленком о стокгольмском скандале, приходилось делать вид, что его подначка задела меня за живое. На самом деле московские красотики не вызывали у меня ни симпатии, ни интереса. Тем не менее я сказал:

— Давай поспорим, что подойду.

— Спорим на бутылку коньяка! — обрадовался Валентин.

— Годится. Вместе и выпьем.

Видимо, моя решимость его смутила, потому что он добавил:

— Только сразу договоримся: ты к ним не будешь приставать с глупостями. А то, пожалуй, тебе достанется и коньяк, и девушки. Ведь ты их уболтаешь.

— Не беспокойся. Они меня не интересуют.

— Если тебя не интересуют такие клеевые девушки, то плохи твои дела, — констатировал Валентин.

— Только не вздумай заикаться насчет разведшколы, — предупредил я. — Здесь этот номер не пройдет. Только поставишь и себя, и меня в дурацкое положение.

— За кого ты меня принимаешь!

— Извините, пожалуйста, наше любопытство, — сказал я, когда мы с Валентином подошли к двум девицам. — Если это не секрет, откуда вы приехали?

— Из Москвы, — ответила та из них, что была поживее и держалась более естественно.

— Тогда нам нужен ваш совет. Моему товарищу очень хотелось бы узнать, какие у вас там порядки.

— Что вы имеете в виду?

— Например, что у вас принято говорить, если хочешь подружиться с незнакомой девушкой, но при этом не хочешь, чтобы она подумала, будто ты собираешься приставать к ней с глупостями?

Девушки переглянулись и засмеялись.

— А вы оригинал! — сказала моя собеседница, блестя глазами.

— Я тут ни при чем. Это все мой друг. Кстати, его зовут Валентин. Вы произвели на него прямо-таки ошеломляющее впечатление.

— Но-но, ты не очень-то загибай! — вставил Валентин.

— Валя, не надо стыдиться этого чувства. Когда встречаешь таких девчушек, немудрено лишиться дара речи.

— Ну, вы, однако, и болтун, — сказала девушка.

Мне показалось, что она заинтригована.

— Вовсе нет. Валентин подтвердит, что обычно я немногословен. Просто за этим словоблудием я пытаюсь скрыть дрожь в коленях, которую до сих пор не могу унять.

Девушка снова засмеялась. Ее подруга отчужденно молчала.

— Короче, давайте дружить, — брякнул Валентин.

— Мой друг хочет сказать, что мы собираемся танцевать медисон и будем счастливы, если вы составите нам компанию.

— А вы танцуете медисон? — наконец подала голос вторая девушка, которая была очень красива.

— Почему бы и нет?

— Гера, короче, — перебил Валентин. — Пойди закажи Йонасу подходящую музыку, а я пока посторожу девчушек, чтобы их никто не увел.

Йонас стал мотать кассету, чтобы найти запись Луи Прима «На солнечной стороне улицы», а я вышел в пустой вестибюль и подошел к регистратуре. Инга одно-

ко сидела с книгой в руках в кресле, где наши регистраторы коротали часы вечерних дежурств.

— Инга, пойдем потанцуем.

Она подняла на меня свои ясные глаза, улыбнулась и покачала головой.

— Спасибо за приглашение. Но я не могу.

— Почему?

— Я же на работе.

Она заложила пальчиком страницу книги, которую держала на коленях.

— Никто не заметит, если ты отлучишься на пять минут. А тебя это немного развлечет.

— Мне вовсе не скучно

— Ну, пожалуйста, Инга! Мне так нравится танцевать с тобой медисон. Не зря же я тебя учил.

— А сейчас будет медисон?

Я увидел, что она колеблется.

— Поэтому я за тобой и пришел. Я же знаю, что он тебе нравится.

— Конечно, нравится, но все-таки я не могу, — повторила она.

— Очень жаль.

— И мне жаль, — сказала она просто и снова раскрыла книгу.

Вместе с девушками из Москвы, Йонасом и Борей из АПН желающих потанцевать медисон набралось человек восемь. Мне пришлось пристраиваться к ним уже на ходу. Вернувшись в зал, я подумал, что когда сам танцуешь этот танец, не видишь, насколько красиво выглядят со стороны замысловатые плавные движения, выполняемые синхронно несколькими танцорами. Хуциев неспроста снял его в одном из эпизодов «Июльского дождя», но, на мой взгляд, он выбрал не самые красивые па, чтобы получилось действительно эффектное зрелище.

Музыка стихла, цепочка танцующих рассыпалась. Со всех сторон раздались громкие и довольно дружные аплодисменты. К девицам из Москвы подошел Боря из АПН. Не говоря ни слова, он взял руку Алены и молча припал к ней в долгом поцелуе. Девушка в изумлении и замешательстве смотрела на странного субъекта в темных очках, не зная, как себя вести. Я первый раз видел ее растерянной.

— Но послушайте... — произнесла наконец Алена.

— Ради бога, молчите! — воскликнул Боря из АПН. — Дайте мне справиться с волнением.

Он продолжал смотреть ей в лицо с карикатурным благоговением, не выпуская ее руки. Девушка не выдержала и засмеялась. Она хотела что-то сказать, но он снова перебил ее.

— Умоляю, не надо ничего говорить! Такие мгновения должны проходить в полном молчании! — он снова поцеловал ей руку. — Страшно подумать, что эта встреча могла не состояться!

— Ну, вы оригинал! — сказала Алена. — Я такого еще не встречала...

К нам подошла Ирочка, и я не слышал продолжения их разговора.

— Какой чудесный танец! — глаза Цыпленка сияли. — Я тоже хочу научиться.

— Хорошо, завтра я тебе его покажу, — сказал я. — Ты так хорошо танцуешь, что тебе будет нетрудно его выучить.

— И Олечку тоже научите, хорошо?

— Конечно, и Олечку научу.

— Тогда мы сможем потанцевать его на мой день рождения.

— А когда он у тебя? — спросил я.

- Уже совсем скоро. Двадцать второго сентября.
- Когда?! — невольно переспросил я.
- Двадцать второго. Меньше, чем через три недели. А почему вы так удивились?
- Потому что, у меня тоже двадцать второго.
- Правда?! — она всплеснула руками. — Как это замечательно! Как было бы хорошо отпраздновать вместе! Вы такие добрые и веселые!
- Мы исключительно добрые, — вставил Валентин совсем некстати. — Особенно когда спим зубами к стенке.
- Ирочка рассмеялась своим звенящим смехом.
- Валечка, какой же вы смешной и милый!
- Заиграла музыка.
- Сейчас мы опять спляшем медисон! — воскликнул Валентин и хлопнул в ладоши. — А ну, приготовиться!
- Мимо нас, лавируя между людьми, прошел доктор Павленко. Я окликнул его.
- Простите, коллега. Можно вас на минутку?
- Он в нерешительности остановился.
- Сейчас мы снова танцуем медисон. Не хотите ли к нам присоединиться?
- Я не умею его танцевать.
- Нужно срочно научиться. Это очень облегчит вам жизнь.
- Каким образом? — он недоверчиво сощурился на меня сквозь очки.
- Вы увидите мир другими глазами.
- Едва ли это возможно. Видите ли, я по специальности эндоскопист. Так что увидеть мир другим у меня наверняка не получится.
- Тем более надо попробовать! Я при первой же возможности преподам вам урок.
- Ну что же, я согласен. Вот только...
- Извините, — сказал я, потому что Боря из АПН крепко взял меня за локоть и довольно решительно повлек в сторону.
- Гера, послушай, — сказал он, дыша мне в лицо. — Я договорился с одной девушкой, чтобы поехать ко мне. Но она ни в какую не хочет ехать без подруги. Выручи, будь другом. Поедем, а?
- Позови лучше Валентина.
- Нет уж, спасибо. Он так выручит, что потом сам останешься ни с чем. Я же вижу, какой у него нахрап. Ты мне подходишь больше.
- Но у меня совершенно нет настроения для таких забав.
- Да от тебя ничего и не требуется! Проводишь нас до моего бунгало, посидишь для блезиру минут двадцать, пока они расслабятся, а потом смоешься, если захочешь. У меня и выпить найдется, — добавил он для убедительности, — я взял в буфете бутылку коньяка.
- Я покачал головой.
- Уволь, друг мой. И пить я не настроен.
- Ты лишаешь меня возможности совершить высшее из всех таинств, — дрогнувшим голосом, мрачно проговорил он.
- Интересно, какое?
- Таинство любви, конечно. В конце концов, должна же быть какая-то мужская солидарность.

Они ждали нас на балконе, и при свете, падавшем из окон вестибюля, я успел разглядеть их. Рядом с плотной, даже толстой блондинкой, щекастой и курносой, с близко поставленными маленькими глазками (про себя я сразу окрестил ее

Хрюшкой), я увидел девушку, которую заприметил еще на пляже. Она стояла тогда в кружке играющих в волейбол с таким видом, словно не надеялась, что кто-нибудь подаст ей мяч, и по-женски неуклюже, стесняясь своей неловкости, отбивала его. У нее были неразвитые плечи, красивая прямая осанка и такие длинные полноватые ноги, что она казалась даже высокой, хотя теперь на балконе я увидел, что она среднего роста.

«Ай да Боря! — думал я, налегая на педали и едва поспевая за Борей из АПН, катившим впереди меня по темному шоссе (к счастью, мне достался дамский велосипед, и Хрюшка сидела у меня за спиной на багажнике). — Ай да Боря! Мне бы и в голову не пришло вот так сразу пригласить девушку с пляжа к себе. Я был бы уверен, что она откажется, такой она выглядит застенчивой и скромной».

На веранде, где было достаточно света, она показалась мне даже милостивой. Серые, как бы заплаканные глаза придавали ее лицу трогательное и беззащитное выражение. Мне уже тогда больше нравились не эффектные и самоуверенные девушки, на которых в толпе оглядываются мужчины, а неброские, на первый взгляд неприметные девушки, погруженные в себя, в свои невеселые мысли. Они что-то скромно делают в сторонке, ворошат какие-то бумажки, моют посуду, прибираются, словно понимая, что все равно не могут тягаться с нахрапистыми красотками. Те умеют себя подать и пользуются близорукостью мужчин, неспособных отличить умелый макияж и яркую стандартную внешность, позаимствованную у рекламных прототипов, от подлинной женственности.

Уже потом, став старше, я осознал, что именно так привлекало меня в этих застенчивых, скромных девочках. Это было рано проснувшееся почти отеческое, а по сути, настоящее мужское чувство, к которому примешивалось нечто похожее на жалость. Мне казалось, что они незаслуженно обделены вниманием, хотелось сказать им что-нибудь хорошее, утешительное, как-то объяснить, что на самом деле они-то и есть самые очаровательные, самые милые и женственные существа. И эта девушка с пляжа, что сидела с нами за столом на веранде у Бори из АПН, казалась мне несравненно более привлекательной, чем московские красотки, даже чем наша Ирочка. Тогда на взморье она была всего лишь прелестным беспечным ребенком. В ней еще не пробудилась пленительная женственность, которую тонко чувствует мужчина, если, конечно, над прочими побуждениями у него не доминирует кобелиная похоть.

Хрюшка хихикала на двусмысленные шутки нашего хозяина, девушка с пляжа сидела пригорюнившись, не притрагиваясь к рюмке, подавленная и особенно трогательная. Но теперь я чувствовал к ней почти неприязнь, во всяком случае досаду. Почему-то меня задело, что она так легко поддалась на уговоры Бори из АПН. Впрочем, и тут я нашел для нее оправдание. Мне хотелось думать, что она согласилась поехать к нему по своей неискренности, не задумываясь о том, что последует за этим приглашением.

От скромной закуски — на столе, кроме черствого хлеба и банки болгарского лечо в томате, не было ничего — Боря из АПН быстро окосел. Он нес какую-то скабресную чушь. Хрюшка веселилась, девушка с пляжа выглядела грустной, но не испуганной. Казалось, обе они вполне освоились с обстановкой. Я решил, что в моем присутствии нет больше никакой нужды, и уже собирался удалиться, но тут Боря из АПН поволок свою девицу на улицу, якобы чтобы нарвать яблок к столу. Она несмело последовала за ним.

Не прошло и минуты, как снаружи — за окнами веранды стояла непроглядная темень — послышался шум, возня, как будто треск ломаемых сучьев. Потом раздался возмущенный возглас Бори из АПН, и в распахнувшуюся со звоном стекол дверь

влетела девушка с пляжа с красным изменившимся лицом и сбившейся прической. За ней, потирая скулу и глухо матерясь, ввалился наш хозяин. Девушка с пляжа забилась в угол и при каждой попытке Бори из АПН приблизиться к ней — он норовил схватить ее за руки — она шарахалась и жалась к своей толстой подруге.

Я избегаю пить в незнакомой компании. Две рюмки коньяка не произвели на меня никакого действия, а потому очень скоро я почувствовал, что хамское поведение Бори из АПН по отношению к девицам — за кого бы он их ни считал — задевает и мое мужское достоинство. По сути, мое бездействие означало, что я отношусь к его безобразиям с сочувствием или, по крайней мере, с пониманием.

— Кончай дурить! — сказал я довольно строго. — Или мы сейчас уходим.

Он зловеще уставился на меня через стол сквозь дымчатые очки, пытаюсь осмыслить услышанное. Девушка с пляжа, почувствовав поддержку с неожиданной стороны, пересела поближе ко мне. Боря из АПН тяжело поднялся из-за стола и, пошатываясь, направился к двери.

— Выйди на минутку, — бросил он мне на ходу.

Мы остановились в нескольких шагах от веранды.

— Так и быть, я займусь толстухой, а ты можешь разбираться с моей девчушкой. Договорились?

— Я же сразу тебе сказал, что мне это ни к чему. Разбирайся с ними сам, а я пошел.

— Нехорошо предавать друга в такую минуту, — проговорил он глухо, с обидой. — Это не по-мужски.

— Так ты считаешь меня своим другом?

— Конечно, — ответил он и рыгнул.

— Так бы сразу и сказал.

Проклиная свою слабохарактерность, я поплелся за ним обратно в дом. В комнате света не было — якобы перегорела лампочка. Постель была узкая, неудобная, с провисшей панцирной сеткой, и как я ни пытался отодвинуться, мы с ней лежали словно в люльке, вытянувшись во весь рост, тесно прижатые друг к другу. В темноте из другого угла доносились возня, сопение, вздохи. На все лады скрежетала и лязгала металлическая арматура их кровати. Время от времени слышался сдавленный голос Хрюшки: «Ну, ты чё, совсем, что ли?!», «Ну, ты и даешь!», «Да ты чё?!». Девушка с пляжа лежала не шевелясь, точно окаменела, только вздрагивала при каждом возгласе подруги.

Потом все стихло, и почти сразу раздался храп Бори из АПН, причем такой, как если бы рядом завели трактор без глушителя. Казалось, можно было расслабиться, но она никак не могла унять дрожь. И тут во мне теплой волной поднялась жалость и нежность к этой милой блеклой девочке с красивой фигурой, которой и так-то несладко живется в каком-нибудь беспросветно унылом Веневе или Белеве, без радости, без надежды на что-то лучшее. Стало обидно за нее, за все то хамство, которое ей только что пришлось вытерпеть от этого вдрызг пьяного мужика, за то, что ей приходится лежать в постели с незнакомым и совершенно чужим ей мужчиной. Я высвободил руку, осторожно погладил ее по голове и шепнул: «Лежи спокойно и ничего не бойся». Она затихла и перестала дрожать.

Как видно, подруга ткнула Борю из АПН кулаком в бок — храп внезапно оборвался. Девушка с пляжа лежала так тихо, что я не слышал ее дыхания, только немного обмякла, была уже не так напряжена. Я стал засыпать. Уже начали подступать ко мне какие-то фигуры и образы из сновидений, когда она вдруг приподнялась на локте и в темноте нашла мои губы своим горячим жадным ртом.

День второй

Спал я плохо, во сне гонял по чужим огородам злого, бодливого козла и никак не мог за ним угнаться. Я был в отчаянии оттого, что так и не сумел перехитрить коварное животное, проснулся в поту, разбитый и недовольный собой, не сразу сообразил, где нахожусь, а вспомнив вчерашнее, еще больше расстроился. Голова не болела, но во всем теле была ломота. Я с трудом доковылял от кровати до веранды, ярко освещенной солнцем. С вечера я забыл завести часы, и они остановились на половине шестого. В доме никого не было. На столе среди остатков вчерашнего ужина лежали ключ и записка: «Запри дверь и сдай ключ хозяину бунгало».

Как видно, у Бори из АПН настроение было не лучше моего. Когда я зашел к нему в радиоузел, его лицо напоминало стоптанный башмак. Взглянув на него, я окончательно приуныл. Стало понятно, почему Инга, отдавая мне ключ от комнаты, так пристально посмотрела мне в лицо и отвела взгляд. Сильно хотелось есть, но завтракать я не пошел, даже обрадовался, что все уже ушли в столовую и ни с кем не нужно вступать в разговор. Я, не раздеваясь, лег на кровать, отвернулся к стене и притворился спящим.

Валентин, вернувшись с завтрака, стал собираться на пляж, доставал что-то из тумбочки, несколько раз сдержанно кашлянул. Его наверняка разбирало любопытство, но я не собирался делиться с ним впечатлениями о вчерашнем приключении. Потоптавшись по комнате, он ушел. Где-то в коридоре еще хлопали двери, слышались шаги и голоса, потом все стихло. Кажется, я ненадолго задремал. Краткий беспокойный сон не принес облегчения. Избегая смотреть в зеркало, я умылся холодной водой из-под крана, наскоро перекусил в буфете, не вступая в разговор со словоохотливой буфетчицей Марией Густавовной, и через заднюю дверь вышел из корпуса под сосны. Ближний пляж, где собирались отдыхающие с турбазы, я обошел стороной. Мне не хотелось видеть ни Валентина, ни Цыпленка, вообще никого из нашей компании.

Я довольно долго шел, не разбирая дороги, между деревьями, наконец, миновав дюны, вышел на берег, оглянулся и с облегчением вздохнул. Самая людная часть пляжа осталась далеко позади, кругом были лишь белый песок, темная зелень сосен да блеск моря там, где ветер сдувал гладь с поверхности залива. Я разулся, закатал брюки до колен, снял рубаху и, всячески презирая себя, не спеша побрел вдоль кромки воды. Я был на берегу совсем один, с обостренным чувством одиночества, простора, окружающей красоты. Постепенно опустошенность и недовольство собой уступили место мыслям, которые с самого приезда в Плавис я от себя упорно гнал.

В то лето я пережил первую в своей жизни и, возможно, единственную настоящую любовь. Я полюбил девушку настолько пленительную, что первые дни от одного взгляда на нее у меня сбивалось дыхание и начинали путаться мысли. Она проходила практику в одной из редакций на радио, где мы с Валентином работали звукооператорами. Ее отношение ко мне не оставляло надежды на взаимность. Она не тяготилась мною, порой мне казалось, что мое присутствие ей даже приятно, но во время наших встреч, прогулок, поездок к ней на дачу она чаще всего просто не замечала меня, была постоянно погружена в свои мысли, жила в каком-то своем, недоступном для меня мирке. Глядя на ее прелестное лицо, на застенчиво потупленные прекрасные глаза, я все больше погружался в стихию волшебных грез и все лучше сознавал, что погибаю. Для меня было очевидно, что ничего, кроме жестоких страданий, это чувство мне не принесет, но у меня не доставало силы воли прекратить наши встречи. Я обнаружил, что в буквальном смысле этого слова не могу без нее жить.

Полтора месяца продолжалась эта пытка, и вдруг в один из дней середины июля на меня свалилось счастье, о котором я не мог и помышлять. Она не умела притворяться, и ее внезапная нежность ко мне не могла быть вызвана одной лишь признательностью за то благоговейное обожание, которое я испытывал к этой целомудренной девочке и которого она не могла не замечать. Я пережил тогда дни, наполненные такими упоительными чувствами и переживаниями, после которых, как мне казалось, не страшны долгие годы бесцветного и беспросветного существования. А спустя три недели это кончилось так же внезапно, как началось. Она перестала звонить мне, не отвечала на мои звонки и явно меня избегала.

С тех пор я пребывал в странном состоянии, словно постоянное употребление сильных транквилизаторов притупило мои рефлексы и способность соображать. Все происходящее вокруг я воспринимал так, словно оно не имело ко мне отношения, а потому не вызывало у меня естественных реакций и чувств. На работе, во время наших вечеринок, разговоров с девушками я безучастно наблюдал себя со стороны, был постоянно собой недоволен, а когда оставался один, меня охватывало беспросветное уныние. Из-за жестокого внутреннего разлада я находил даже какое-то злорадное удовлетворение, рассказывая нашим новым знакомым на турбазе небылицы о подвигах Валентина и наших коллег-разведчиков. Я все ждал, когда же очевидная абсурдность всей этой абракадабры заставит кого-нибудь из моих слушателей без обиняков сказать, что нам надо отдыхать не на турбазе, а в психиатрическом стационаре.

Меня, как никогда прежде, раздражало бахвальство Валентина, его бесконечные разговоры о девчушках, суета, которую он затевал вокруг каждой мало-мальски приметной юбки. Прежде я оправдывал его тем, что после пережитого потрясения (около года назад девушка, считавшаяся его невестой, скоропалительно вышла замуж за туповатого, самоуверенного, недалекого и к тому же рыжего слушателя военной академии) Валентин вроде бы имеет право отвести душу. Но теперь, понаблюдав за маневрами моего приятеля вокруг Цыпленка, я взглянул на наши забавы другими глазами и неожиданно для себя обнаружил, что вовсе не хочу, чтобы эта очаровательная простодушная девочка с первых шагов своей самостоятельной жизни вкусила прелести тех отношений, которые с таким усердием и — увы — не без моей помощи культивировал Валентин. До меня наконец дошла очевидная нечистоплотность наших, казалось бы, невинных затей.

Два часа, проведенные в полном одиночестве на берегу, когда не нужно было казаться оживленным, выдержанным и придумывать бредовые небылицы про разведку, пошли мне на пользу. Ко мне стало возвращаться душевное равновесие, а недовольство собой сменилось унынием.

В таком настроении я дошел до Меллужи и, поравнявшись с сосновой рощицей, подступавшей к самому пляжу по откосам дюн, свернул в сторону и присел на землю в тени сосны. Мне вспомнилось, как четыре года назад мы с моей любимой тетушкой и ее сыном, моим кузенком Костей, проводили здесь целые дни. Как и теперь, стояла теплая солнечная погода. Из Дзинтари к нам приезжали двое Костиных приятелей — они отдыхали там с родителями в Доме творчества архитекторов. Мы подолгу валялись на белом песке, купались, играли в чехарду, изредка знакомились с девушками. Те каникулы на взморье запомнились ощущением ничем не омраченной радости молодой, беспечной, свободной жизни. И теперь я подумал, что ничего подобного в моей жизни уже никогда не будет.

Над заливом стояли редкие белые облака, с моря дул ровный ветер. В воздухе то бесшумно, то сухо потрескивая крыльями носились стрекозы, садились совсем

близко на стебли травы. И тогда были видны их радужные, как мыльные пузыри, выпуклые глаза и длинные хвосты, покрытые бурым ворсом. Вдоль пляжа по щиколотку в воде медленно шли, взявшись за руки, загорелый юноша в плавках и девушка с распущенными волосами. Она подобрала подол, не замечая, что сзади ее длинная юбка касается воды. Девушка смеялась гортанным смехом. Им невдомек, подумал я, провожая их взглядом, что ничего нет лучше такой прогулки с любимым среди этого моря света и воздуха, что когда-нибудь она будет вспоминаться как миг счастья, который невозможно вернуть никакими силами. И еще я подумал: остановить бы это мгновение, сохранить в памяти эту красоту, чтобы всегда был со мной этот солнечный день бабьего лета, этот пляж, эта морская даль. И чтобы всегда летали стрекозы, и эти двое, обнявшись, брели по щиколотку в воде, и девушка смеялась счастливым гортанным смехом.

По дороге с пляжа к ресторанчику «Меллужи», где я собирался пообедать, мне захотелось взглянуть на дом, где мы с кузеном Костей провели чудесные летние каникулы. Мы снимали тогда комнату на улице Капу у четы Берзиньш. Я хотел зайти к ним, но передумал, а потому сразу знакомой тропинкой прошел через пустырь до улицы Каналу и повернул к нашему ресторанчику. Здесь меня ожидал удар. На месте ресторана, где мы каждый день обедали с моей тетушкой и Костей, где по вечерам играл небольшой оркестр, а на площадке перед эстрадой степенно танцевали нарядные пары, — на месте всего этого стоял обгоревший остов. Наружные стены частично уцелели, в окнах кое-где сохранились цветные стеклышки, от которых в солнечные дни таким праздничным казалось освещение в зале. Но теперь в окна были видны лишь обуглившиеся балки провалившихся перекрытий. Наш ресторанчик сгорел дотла.

Я несколько минут смотрел на пепелище, ничего не соображая, с таким чувством, будто что-то оборвалось, безвозвратно ушло из жизни. Я постоял так, чувствуя себя постаревшим не на четыре года, а на двадцать лет, потом перешел на другую сторону улицы и, не оборачиваясь, зашагал к остановке автобуса, чтобы ехать в Майори.

Обедал я в кафе «Фантик» на улице Йомас. Случайный сосед по столику, крупный мужчина с добродушным мясистым лицом, достал из свернутой в кулек газеты бутылку водки, воровато оглянулся, наполнил до краев стакан из-под компота и неожиданно обратился ко мне.

— Будешь?

— Нет, спасибо, — почти с испугом сказал я.

— Ну и ладно, — он спрятал поллитровку, большими глотками опорожнил стакан, вытер губы ладонью, понюхал горбушку и доверительно сообщил: — А я, если не приму хоть стакан, считаю, что день прошел зазря. Бульдозеристом в Якутии работаю, так что сам понимаешь.

«Какая же у меня должна быть физиономия, что этот тип так сразу расположился ко мне и стал поверять свои маленькие секреты, — подумал я с горечью. — Видно, совсем плохи мои дела».

На Турайдас мне вспомнилось, как однажды с Костей и его приятелями мы шли по мостовой с пляжа в одних плавках под теплым ливнем, и у нас под ногами, словно мелкая речка, бурлил поток. И люди, спрятавшиеся от дождя под козырьками кафе и магазинчиков, весело подбадривали нас. Снова вспомнилось ощущение беспечной молодости, и стало грустно. Теперь по Турайдас тоже прогуливались курортники, фланировали эмансипированные девицы. Но теперь я почувствовал себя здесь чужим.

На пляже у воды бесформенными темными кучами лежали водоросли, сильно пахнувшие йодом. Отдыхающие копошились в них, вороша мохнатую массу в поисках янтаря. В тире ударами хлыста щелкали выстрелы пневматических винтовок. Курортники кормили чаек, и те, пикируя с резкими криками, хватали хлеб на лету.

Лишь на обратном пути мне повезло. В универмаге не углу Йомас и Стабу, в отделе игрушек на полке я увидел целый выводок обезьянок разного размера и попросил продавщицу показать мне одну из них. Мартышка, сделанная из светло-бурой шерсти и замши, с луковой симпатичной мордочкой и сильно косящими глазами была необыкновенно хороша. Лучшего подарка к дню рождения Цыпленка не найти, подумал я, а заодно купил еще одну мартышку, самую маленькую, — себе на память. Эта удача меня немного взбодрила. Стоя на остановке автобуса у станции Майори, я с удовольствием представил себе, в каком восторге будет Ирочка от такого подарка.

В битком набитом автобусе я протиснулся подальше от двери и стал смотреть в окно, соображая, когда лучше всего подарить Цыпленку купленную игрушку. В автобусе было тесно и жарко, слева от меня назойливо звучал молодой женский голос. Его обладательница, не умолкая ни на минуту, говорила о тряпках, которые присмотрела в комиссионке в Дзинтари. Между болтливой пассажиркой и мной стояла другая молодая женщина, судя по акценту — латышка. Она односложно отвечала подруге низким сипловатым голосом, слегка растягивая слова. Я чувствовал жар ее упругого бока, плотно прижатого ко мне в толчее автобуса. Не поворачивая головы, я мог разглядеть прядь ее светлых волос, шелушащуюся щеку и выгоревшие ресницы. Перед остановкой автобус притормозил, и ее еще сильнее прижало ко мне. Девушка попыталась отодвинуться, но это ей не удалось. Я стоял не шевелясь, и, повозившись немного, она успокоилась. У нее на пальце я увидел два узких обручальных колечка.

— Интересно, что это тут такое? — спросила ее подруга, с любопытством разглядывая довольно большую толпу мужчин с характерными лицами у магазинчика против остановки, когда мы въехали в Яункемери.

— А кто их знает, — пожала плечом моя соседка.

— Это местная достопримечательность, — сказал я, обращаясь к болтливой девице. — По четвергам для любителей пива здесь бесплатная раздача воблы.

Она была маленького роста, видимо, довольно полная, со смазливим личиком и красивыми голубыми глазами.

— Спасибо, — сказала она с улыбкой. — А то ведь уеду в Москву, так ничего и не узнав.

— Если будут еще вопросы, не стесняйтесь, спрашивайте. Я тут немного ориентируюсь, так что смогу вам кое-что объяснить.

— Вы что же, не первый раз на взморье?

— Нет, не первый.

Чтобы перекрыть шум мотора и голоса других пассажиров, мне пришлось наклониться и говорить довольно громко.

— По-моему, тут страшная скучища, — сказала она, играя глазами.

— Кому как. Мы с приятелем не скучаем.

— А вы где отдыхаете?

— В Плависе. Там на турбазе столько веселья, что иной раз не знаешь, куда деваться.

— Как жалко, что я не знала! Хоть бы к вам приехала. А то почти целый месяц прожила в Каугури у Алдоны, а вспомнить нечего.

— Это еще можно поправить.

— Я послезавтра уезжаю, и мне еще нужно кое-что купить.

— Ну, значит, не судьба, — сказал я.

Продолжать пустой разговор с болтливой москвичкой мне не хотелось, а рослая латышка, которая стояла между нами и сразу мне приглянулась, едва я увидел ее лицо, за все время не произнесла ни слова.

— Фу, как противно пахнет бензином, — жеманясь, произнесла московская девица.

В стареньком лазовском автобусе действительно ощутимо пахло бензином. Я решил предпринять еще одну попытку и сказал:

— Некоторым этот запах нравится.

— Интересно, кому же он может нравиться?

— Мне, например.

— Но почему?! — удивилась девушка.

— Он напоминает мне о трудном, но интересном периоде моей жизни.

— Как может запах бензина напоминать о чем-то интересном?

— Когда я служил в армии, то возил на своем грузовике артиллерийские снаряды для союзников. И в кабине моего «студебеккера» всегда немного пахло бензином.

— Для каких союзников?

— По антигитлеровской коалиции. Дело было в Северной Африке, где мы воевали против корпуса Роммеля.

— Когда же это было?

— Во время войны, в сорок третьем году.

— В сорок третьем?! Сколько же вам лет?

— Скоро стукнет пятьдесят семь.

— Да ладно! — произнесла наконец Алдона.

— Не может быть! — подхватила москвичка.

— Может. Просто там, где я служил, год считался за три. Поэтому чисто внешне я неплохо сохранился.

— Да ладно! — повторила Алдона своим низким сипловатым голосом и усмехнулась.

Немного позже я наклонился к ней и тихо, чтобы не слышала подруга, спросил:

— Извините, а что значат эти два обручальных колечка? Никогда такого не видел.

— Ничего хорошего не значат, — сказала она, мельком взглянув на меня.

При въезде в Меллужи на развилке шоссе у маленького рынка мы сошли с автобуса — девушкам нужно было что-то купить. Дальше пошли пешком по дорожке на обочине шоссе, мимо домиков с пышно цветущими осенними цветами в палисадниках, мимо сгоревшего ресторанчика и маленькой почты, куда мы с кузеном Костей ходили звонить домой, когда жили у стариков Берзиньш. Алдона помалкивала, казалась немного скованной. Ее подруга, наоборот, говорила не умолкая, жеманилась, играла глазками, причем ее монолог протекал в жанре потока сознания, как у акына — «что вижу, о том пою»: «Глядите-ка, видать, этот забор недавно покрасили. Такой длиннющий, и откуда у людей столько денег?», «Интересно, куда эта тетка поволокла такую большую сумку», «А вон те два мужика сейчас подерутся, я вам точно говорю!». По ходу своего монолога она несколько раз как бы невзначай произнесла: «А вот у нас в Москве...» Когда мы подошли к автобусной остановке в Асари, я не выдержал и спросил.

— У вас в Москве все такие разговорчивые?

Алдона бросила на меня быстрый взгляд, а ее подруга, не заметив подвоха, прошептала.

— Конечно, когда есть о чем поговорить. А чего же?

По тому, как Алдона искоса посматривала на меня, как усмехалась на мои невинные подначки в адрес ее подруги, мне показалось, что между ней и мной сплелась тонкая паутинка понимания. В Асари на остановке, где несколько человек дожидались

автобуса, мы сели на лавочку. Подруга Алдоны что-то шепнула ей на ухо, перешла на ту сторону шоссе и засемила по аллее к железнодорожной станции. Подошел автобус, забрал пассажиров, и мы остались на остановке вдвоем. По шоссе мимо нас изредка проезжали машины. Болтливая подруга не возвращалась, мы сидели молча, я не знал, о чем говорить, но чувствовал, что прибаутки сейчас будут неуместны. Рассеянно я взял ее руку и, разглядывая обручальные кольца на ее безымянном пальце, спросил:

— А правда, почему у тебя их два? Как будто два мужа.

— Наоборот, ни одного. Был один, да весь вышел.

— Извини, — сказал я, немного смутившись. — Извини, пожалуйста, что я спросил тебя об этом. Я не хотел...

— Да ладно, чего уж.

Помолчав, она спросила:

— Ты всегда так легко знакомишься с девушками?

— Нет, конечно. Вообще-то я очень стеснительный.

— Не похоже.

Она говорила чуть замедленно, словно с усилием подбирая слова, но правильно строила фразу по-русски. Голос у нее был глуховатый, приятный, грудной. А может быть, мне приятно было слушать ее, потому что с тех пор, как я впервые побывал на Рижском взморье, мне вообще нравится русская речь с латышским акцентом. А главное, мне очень нравилась эта статная молодая женщина, что сидела рядом со мной на опустевшей автобусной остановке. От ее волос, от дешевенького платья, которое казалось тесноватым для ее красивого тела, пахло морем, ветром, свежестью. Я смотрел на ее сухие потрескавшиеся губы, на обветренное лицо, которого не касались кремы и косметика, на ее большие шершавые руки, и такая мне почудилась в ней первозданная грубоватая красота, что от ее близости, от прикосновения ее руки меня вдруг охватило волнение.

Она работала в Каугури в столовой торгового центра и перед новым годом вышла замуж. А через несколько месяцев ее муж загулял, «завел себе шалаву», — сказала Алдона. Он где-то пропадал до глубокой ночи, гонял на мотоцикле с такими же балбесами, посадив на закорки свою подругу. Алдона терпела это, сколько могла, все надеялась, что он образумится. Ей не хватало духа сразу выгнать своего супруга. «Очень его любила», — сказала она с горечью. Потом она отобрала у него обручальное кольцо и спокойно, без скандала выставила вон. Он несколько раз пытался вернуться, но ни видеть его, ни разговаривать с ним она не хотела. Каждый раз, когда он приходил, она молча закрывала перед ним дверь.

— Поэтому я не люблю, когда пахнет бензином, — сказала она. — От него всегда так пахло, когда он приходил домой ночью.

— Извини, что напомнил тебе об этом, — повторил я.

— Да ладно. Все это уже прошло.

И думая о чем-то своем, она рассеянно взяла мою руку и сжала ее между своих горячих крепких ладоней. Я повернул голову, посмотрел ей в лицо, и наши взгляды встретились — в упор, глаза в глаза. Она смотрела на меня прямо и открыто, и взгляд ее зеленых глаз был женственным и кротким. А я с ненавистью думал об ублюдке, не сумевшем понять, какая женщина досталась ему в жены, женщина, с которой не страшны никакие невзгоды и испытания, которая на долгие годы останется верной женой, надежным другом, пылкой возлюбленной. Мне захотелось найти какие-то слова, объяснить ей, насколько она выше и чище этого недоумка, выше меня; сказать ей, что, пробыв рядом с ней всего лишь час, я распознал в ней ту

редкую женщину, которая заслуживает самой глубокой душевной привязанности, что я преклоняюсь перед ее кротостью, женственностью, стоицизмом.

Во взгляде ее устремленных на меня зеленых глаз, в пожатии ее руки мне почудились тоска одиночества, застенчивость и нежность, надежда и призыв — да разве можно высказать словами все то, что возникает в такую минуту между мужчиной и женщиной? Мне до помутнения рассудка захотелось обнять ее, прижать к себе, увести ее в дюны под сосны, утешить и обласкать так, чтобы она хоть ненадолго забыла о своих печалях, одиночестве, тоске.

Я встал, и, повинувшись моему движению, она с пылающим лицом тоже поднялась со скамьи. И в тот же миг я услышал постылый голос:

— Алдона!

Ее подруга переходила шоссе, направляясь к нам. И сразу потухло, стало замкнутым и чужим лицо Алдоны. Болтливая девица что-то взахлеб рассказывала ей, но я не мог без отвращения слышать ее, не мог дожидаться, когда же наконец подойдет автобус.

— А ты разве не едешь? — уже с подножки удивленно спросила москвичка, увидев, что я не последовал за ними.

— Нет, не еду.

И снова я был на берегу один, опустошенный и недовольный собой больше прежнего. Я медленно шел по пляжу у самой кромки воды, и у меня под ногами похрустывали скорлупки мелких ракушек. Пенистые языки, набегая, слизывали песок и с журчанием откатывались вспять. Уже солнце стояло над морем, и под его лучами вода залива слепила отраженным светом. Над соснами за пляжем сгушалась синева предвечернего неба, и легкий теплый ветер тянул теперь с берега, принося запах дыма сосновых шишек.

— Гера, а куда это вы с Борисом Аркадьевичем уехали вчера с этими девочками?

Ирочка с любопытством смотрела на меня, ожидая ответа.

— С какими девочками? Ты о чем? — переспросил я, чтобы выиграть время, и стал лихорадочно соображать, как объяснить Цыпленку свой вчерашний отъезд в столь непрезентабельной компании.

— Ну, вчера вечером, после того, как вы танцевали медисон, помнишь?

«Так, значит, это она стояла тогда на балконе», — подумал я.

Отъезжая от турбазы с Хрюшкой на багажнике, я в последний момент оглянулся и увидел на балконе у перил женский силуэт.

— Борис Аркадьевич хотел показать девочкам свою коллекцию бабочек, — с самым простодушным видом сказал я. — Оказывается, он большой любитель и знаток бабочек. Совсем как Владимир Набоков.

— Ой, как интересно! — воскликнула Ирочка, сияя глазами.

— Ты обратила внимание, как он бегал, когда мы играли в теннис? Это он наловчился у себя в Бурунди, пока носился там по кочкам за разными редкими экземплярами бабочек.

— А можно и нам с Олечкой посмотреть?

— Не знаю. Я попробую с ним договориться. Но вообще-то он не любит распространяться об этом своем увлечении. Считает, что для такого взрослого и волосатого дяди это несерьезное занятие. И совершенно напрасно, ведь правда?

— Конечно! Ведь они бывают такие красивые! Что ж тут такого?

— У него есть сачок такой большой, что он может одним махом накрыть тебя с головой. Поэтому он ухитряется ловить бабочек даже там, где их вроде бы и нет.

— Разве так бывает?

— В жизни всякое бывает. Сама увидишь, если мне удастся его уговорить, — повторил я. — Только ему об этом ни слова, хорошо?

— Конечно! Я же все понимаю! — Ирочка сделала большие глаза.

Мы разговаривали с ней после ужина в музыкальном салоне возле радиолы, пока я подбирал подходящую мелодию для медисона. Услышав музыку, из вестибюля в дверь стали заглядывать обитатели турбазы. Всего вместе с Цыпленком, Оленькой и доктором Павленко на урок танцев собралось больше десяти человек. Цыпленку даже первые, самые незамысловатые шаги медисона давались с трудом. Она очень старалась, но движения ее выглядели довольно неуклюже. Доктор Павленко отнесся к танцу чересчур серьезно и очень скоро взопрел. Впрочем, через полчаса и у меня на лбу выступила испарина, хотя в зале не было жарко. Я предложил сделать перерыв. К этому времени Ирочка и Валерий Алексеевич с грехом пополам освоили основные па. Но лучше всего мэдисон получался у Оленьки. При некоторой тяжеловесности она оказалась на редкость пластичной и способной ученицей. Я совершенно искренне похвалил ее, и девушка мило смутилась. Было видно, что ей приятно услышать комплимент.

— Гера, а где ты научился танцевать медисон? — спросила Ирочка.

— С этим вышла очень забавная история. Однажды, когда я учился в институте, мы праздновали день рождения одной девушки из нашей группы. Напитков было много, а закуски настолько мало, что наутро я ничего не помнил — ни чем закончилась вечеринка, ни как добрался домой. Зато на другой день оказалось, что я умею танцевать медисон, который до этого никогда в жизни не танцевал.

— Удивительно! — воскликнула Ирочка. — Сколько же у тебя всего необыкновенного случается в жизни! А вот со мной ничего такого не происходит, ужасная скучища!

— Может, оно и к лучшему. Когда есть что вспомнить, то много и такого, о чем хочется забыть. — Мне на ум пришло вчерашнее приключение с девушкой с пляжа, и я добавил: — А то можно вляпаться так, что сама потом будешь не рада.

В зал заглянул Валентин и поманил меня в вестибюль.

— Ну, Гера, мы сегодня гуляем! — радостно сообщил он.

— В каком составе?

— С московскими девчужками. Я их окучивал еще на пляже, да не тут-то было. Их не так просто было уломать.

— Как же тебе это удалось?

— Пришлось сказать, что у тебя сегодня день рождения и что ты хочешь их пригласить, но стесняешься. Им неудобно было отказаться.

— Этого еще не хватало!

— Да ладно тебе, не бери в голову! Какая разница? У тебя день рождения или у дяди Васи? В конце концов, все люди — братья.

— Конечно, братья, но не до такой же степени. Неужели ты не мог придумать чего-нибудь пооригинальнее?

— Иначе я бы их ни за что не уговорил. Они ведь с большим гонором.

— Невелика была бы потеря.

— Ты сам виноват. Перекрыл мне кислород с Цыпленком, наплел ей про меня всякую чушь. А мне что прикажешь делать?

— Тогда я приглашу Цыпленка с Оленькой. И доктора Павленко тоже.

— Его-то зачем?

— Для веселья. Мне совсем не улыбается провести целый вечер в обществе этих твоих девчужек.

— Ладно, как знаешь. А сейчас пойдем в буфет немного освежиться. Ты не забыл, что я проспорил тебе коньяк?

Я вернулся в зал и отвел в сторону Цыпленка.

— Валентин организует у нас в комнате маленькое ликование и хочет пригласить вас с Оленькой тоже.

— Какой он добрый!

— Да, он исключительно добрый. И постоянно твердит, что все люди — братья и должны дружить. Поэтому сейчас он приглашает нас всех в буфет немного освежиться.

В буфете было занято два столика. За одним, уставленном пивными бутылками, в обществе двух других краснолицых туристов сидел наш пузатый знакомец с пляжа.

— А вот и мои джентльмены пожаловали! — радостно приветствовала нас Мария Густавовна.

Первые дни она говорила нам «мои мальчики». Потом я попросил ее называть нас джентльменами.

— Почему так? — удивилась она, высоко подняв нарисованные брови.

— Это больше соответствует нашему душевному состоянию, — понизив голос, пояснил я. — И нашей профессии, кстати, тоже.

Не знаю, как истолковала мои слова добрая женщина (она почему-то настолько расположилась к нам с Валентином, что даже приглашала нас приехать к ней в Слоку на пироги), но только она залилась громким басовитым смехом, от которого тряслись и колыхались все ее тучное тело и оплывшее лицо. Мы пришли тогда в буфет с какими-то девицами, и наши подружки воззрились на хохочущую буфетчицу с округлившимися от изумления глазами. Заметив это, она окончательно развеселилась и захохотала густым басом громче прежнего. Мне кажется, она немного гордилась своим смехом, во всяком случае, явно забавлялась впечатлением, которое он производил на посетителей буфета. Вот и теперь Цыпленок и Оленька, почти с ужасом глядя на нее, остолбенели с приоткрытыми ртами. Взглянув на девушек, Мария Густавовна хлопнула себя по пышным бокам. «Ой, не могу!» — с трудом произнесла она и, сотрясаясь всем телом, загоготала так, что встрепенулись посетители за столиками.

— Джентльмены, вам как обычно? — произнесла она наконец, вытирая слезы.

— И девушкам тоже, — сказал я.

— Как обычно — это как? — спросила Ирочка.

— На британский манер.

— Цыпленок, спрячь кошелек и запомни: офицеры британской армии с дам денег не берут, — сказал Валентин и обратился к Марии Густавовне: — Четыре кофе, два пирожных для дам, лимон и бутылку коньяка.

— Бутылку не надо! — запротестовал я. — Вполне хватит по сто грамм для разогрева.

— Гера, а Валя и правда офицер британской армии? — спросила Ирочка, когда мы оставив Валентина расплачиваться, сели за стол.

— Раз говорит, значит, так и есть. Но для меня это тоже новость.

— Сэр, прошу! Вот ваш коньяк. — Валентин поставил на стол два до половины наполненных стакана. — Девчушки, а может, вы тоже пригубите коньячку? Я проспори́л Герману бутылку, так что мы сегодня гуляем.

— Нет, что ты! — замахала руками Ирочка. — А о чем вы спорили?

— Да так, на профессиональные темы. Ничего интересного.

— В вашей работе все интересно.

— Это насчет того товарища, который присидел четыре месяца на пальме, — сказал я. — Помнишь, с пляжа? Вон он.

Я показал глазами на столик в углу маленького зала.

— Конечно, помню! Такой смешной и симпатичный. И что же?

— Я считаю, что еще два месяца такой жизни он не выдержит и обязательно упадет со своей пальмы. Ты видела, какое у него пузо?

— Такое большущее и розовое.

— А Валентин говорил, что он еще и целых полгода может там просидеть и ничего ему не делается. Но Валя судит по себе. Видишь, какой он у нас крепыш.

Валентин с довольным видом усмехнулся

— Тот дядя тоже был крепыш, пока не посидел на пальме, — продолжал я. — А теперь видишь, что с ним стало. Вот мы и поспорили на бутылку коньяка.

— Так вы ведь еще только через два месяца узнаете, просидит он или не просидит.

— Верно. Но Валя представил себя на пальме, да еще с таким пузом, и сразу понял, что он не прав.

— За наших прекрасных дам! — сказал Валентин, стукнув доньшком своего стакана о край моего.

Собравшись на вечеринку, мы расселись на двух кроватях, поставив между ними журнальный столик с напитками. Было шумно, безалаберно и не слишком весело. В дверь то и дело заглядывали соседи по этажу, постоянно кто-то приходил и уходил, батарея бутылок на столе росла. К счастью, Валентин взялся сам развлекать компанию. Он был в ударе, выгибал бровь дугой, произносил аляповатые тосты, требовал выпить за прекрасных дам, стоя во фронт и держа на отлете локоть. Боря из АПН умничал, говорил витиевато и все больше мрачнел, видя, что не может перехватить инициативу. Московские девицы значительно переглядывались. Вероника кривила губки, Алена, наоборот, держалась естественно и мило. У нее были хорошая улыбка и ироничный взгляд. Она почти приветливо посматривала на меня через стол и первая сказала:

— Давайте же наконец выпьем за именинника.

— С удовольствием, — ответил я, прежде чем Валентин успел вставить хоть слово. — Жаль только, что его здесь нет. Но можно выпить и заочно. Главное, чтобы человеку стало от этого хорошо.

— Как заочно? Разве не у тебя сегодня день рождения?

— Нет, конечно.

— А Валя сказал...

— Валя все перепутал. День рождения у нашего с ним общего друга. Но когда Валентин попадает в общество таких красивых девчушек, ему в голову ударяет струя и начинает мерещиться всякая чертовщина.

— Ты не очень-то! — сказал Валентин, слегка изменившись в лице.

— Ну, вы и оригиналы! — засмеялась Алена. — Пригласили на день рождения, а виновника торжества, оказывается, нет.

— Просто Валя боялся, что вы откажетесь, а ему очень хотелось с вами дружить.

У девушек кончились сигареты, и мне пришлось спуститься в буфет. Я взял две пачки «БТ» и увесистую гроздь бананов. В вестибюле я встретил скучающего доктора Павленко.

— Коллега, приходите к нам. Без вас у нас совсем не клеится веселье. Да и сами вы немного развлечетесь.

— Как-то неудобно, ведь я там никого не знаю.

— Я тоже никого толком не знаю, но это ничего не значит. В общем, если надумаете, вам все будут рады.

В результате всех пересаживаний и рокировок я оказался между Ольгой и Аленой. Мы с Йонасом наперебой потчевали Оленьку виноградом. Она смущалась от внимания двух мужчин и осторожно отщипывала по ягодке черной «изабеллы». Йонас рассказывал забавные истории из жизни турбазы, и я про себя отметил, что ни разу еще

не видел его таким оживленным и разговорчивым. Только Ирочка, сидевшая рядом с Валентином, казалась грустной и задумчивой.

С Аленой я заговаривать не решался, боялся сказать что-нибудь невпопад. И кроме того, уж очень надменная мордашка была у ее подруги, сидевшей напротив по правую руку от Валентина. Я лишь исправно доливал напитки в стаканчик Алены, а она так же исправно пригубливала вино. Я не раз замечал, что дистанцию до приглянувшейся девушки можно преодолеть, не произнеся ни слова, — эту работу проделает за тебя атмосфера компании. Наконец, когда мне показалось, что она должна была созреть для душевного разговора, а у меня самого появилась приятная легкость в мыслях, я обратился к ней:

— Скажи, ты и правда из Москвы?

— А разве я похожа на провинциалку? — она с живостью обернулась ко мне, глядя весело и открыто.

— Прежде всего ты похожа на очень хорошенькую девушку, — я сделал вид, что внимательно разглядываю ее. — И при ближайшем рассмотрении кажешься еще красивее, чем издали. Хотя обычно бывает как раз наоборот.

— Спасибо за комплимент, — сказала она с довольной улыбкой.

— Не считай это комплиментом.

— Почему?

— Комплимент — это когда говорят не то, что есть, а когда хотят сделать девушке приятное, чтобы усыпить ее бдительность. Я же говорю тебе правду. У тебя на редкость красивые глаза с большим зрачком, почти без райка. От этого они кажутся глубокими и загадочными. И эти прекрасные темные волосы... Вообще, при взгляде на тебя начинает сладко щемить сердце, вспоминается Италия или Испания, в крайнем случае пляжи солнечного Бурунди. Словом, что-то южное.

— Ты был в Италии? — удивилась она.

— Конечно, не был. А в Испании тем более. Но наверняка именно там, у южных теплых морей, живут такие очаровательные женщины. Когда думаешь об этом, глядя на тебя, то охватывает тоска по красивой жизни.

— Ну, ты и болтун!

— Вовсе нет. Обычно я очень застенчив. А в обществе красивых девушек окончательно теряюсь.

— По твоей болтовне этого не скажешь.

— Просто ты самая красивая из всех девчушек, побывавших на турбазе за эти полторы недели. И я не имею морального права не сказать тебе об этом.

— А Вероника? Я всегда считала, что она гораздо интереснее меня.

— Она наверняка считает так же. И сильно ошибается. Ты очень выигрываешь рядом с ней.

— Правда? Почему же? — моя соседка была явно заинтригована.

Тут я заметил, что Вероника напряженно прислушивается к нашему разговору и, перейдя почти на шепот, наклонился к Алене.

— Этот вздернутый носик, оттопыренная губка, взгляд поверх голов... Почему-то считается, что такая брезгливая мордашка, которую все время строит Вероника, особенно привлекает мужчин, потому что создает иллюзию неприступности.

— А разве не так?

— Может, и привлекает, но довольно специфический контингент с очень специфическим образом мыслей. Настоящих мужчин привлекает не это.

— А что?

— То, что есть, например, в тебе: женственность, непосредственность, необыкновенный шарм. В твоём облике чувствуется настоящий класс, который дается очень

немногим. К примеру, твои туалеты сделаны с редким вкусом и к тому же очень удачно подчеркивают красоту твоей фигуры.

— По-моему, мне надо немного похудеть.

— Ни в коем случае! — с жаром воскликнул я и снова перешел на полусшепот: — В твоей фигуре есть нечто такое, что выше избитых представлений об идеальном телосложении.

«Эк, однако, меня заносит!» — отметил я про себя даже с каким-то восхищением, дивясь своему удалству и не испытывая ни малейшей неловкости. Примерно к этому времени я стал замечать, что у меня слегка заплетается язык, вернее, было такое чувство, словно я не вполне свободно владею русским. Мысль работала четко, но не поспевала за словоизвержением, текла параллельно, и мне никак не удавалось соединить эти два потока вместе. До меня как бы со стороны дошло, что стилистика моих высказываний напоминает лексику массовика-затейника. Думаю, меня выручало лишь то, что у моей собеседницы то ли от напитков, то ли от моих речей лицо пошло красными пятнами. Она уже вполне откровенно прижималась ко мне плечом.

— А знаешь, ты интересный собеседник.

Она игриво толкнула меня так, что я расплескал рюмку, которую держал в руке.

— А с каким изяществом ты откусываешь в столовой кусок сосиски, насадив ее на вилку! — продолжал я. — Не всякой женщине в этот момент удастся сохранить такое достоинство и грациозность.

Она снова засмеялась.

— Вообще-то, я привыкла пользоваться ножом.

— Значит, я перепутал. Наверное, это была Вероника.

Тут в дверях, переминаясь с ноги на ногу, с бутылкой в руке появился доктор Павленко. Я обрадовался возможности прервать рискованный разговор с Аленой — она впала в нервическое возбуждение, в ее глазах появился нехороший блеск. Похоже, интрига нашей беседы завела меня слишком далеко, и чем заметнее хмелела моя соседка, тем сильнее у нее разливалась желчь.

— Этот волосатый супермен лучше бы помалкивал, — пробормотала она, когда Боря из АПН произносил один из своих тостов.

Потом, глядя с откровенной неприязнью на свежее грустное личико Цыпленка, она произнесла почти вслух:

— Интересно, из какой дыры приехала эта цыпочка?

— И совсем даже не из дыры, а из симпатичного украинского городка Любеча, — ответил я. — И никакая она не цыпочка, а очень славная и простодушная девчушка.

— Знаем мы этих простушек!

— Ты все же по себе не суди, — сказал я довольно резко.

Эта московская девица нравилась мне все меньше. А Ирочка, заметив, что мы смотрим на нее, сделала круглые непонимающие глаза. Я улыбнулся ей и, подняв рюмку, сказал:

— Мы хотим за тебя выпить.

— Этого еще не хватало! — процедила Алена. — Сам за нее и пей.

— С удовольствием.

Тут Валентин достал из-за кровати гитару и передал ее мне. «Похоже, я все-таки перебрал лишнего, — отсутствующе подумал я. — Развлекать московских красоток — это уж слишком. Не надо было пить». Но потом я решил, что излишне будет немного сбить с них спесь.

Для разогрева я, как обычно, начал с популярной тогда песенки «Не печалься, любимая». Компания одобрительно загалдела, а Ирочка захлопала в ладоши и звонким голосом воскликнула:

— Какая прелесть! Пожалуйста, спой еще!

Потом я перешел на английский, спел две или три песенки из репертуара Трини Лопеса и закончил балладой Вика Деймона «The only man on the island», которая благодаря красивой мелодии всегда шла на ура.

— I've got a kick out of you, buddy! — пробормотал Боря из АПН, который уже заметно опьянел и с трудом ворочал языком.

— А неплохо у тебя получается, — снисходительно заметила Алена. — И английский у тебя вполне приличный.

— Как ты можешь об этом судить? — сказал я как можно суше.

— Мы же с Вероникой учимся в МГИМО, — она пустила мне в лицо струю дыма. — Где ты так насобачился по-английски?

— Как, вы разве не знаете?! — воскликнула Ирочка, обрадовавшись возможности сообщить пикантную новость. — Ведь они учились...

— Тс-с! — я свирепо посмотрел на нее. — В педагогическом институте. Когда-то я учился на английском факультете, — хмуро ответил я Алене, отложил гитару и встал.

— погоди, — сказала Алена, берясь за бутылку. — Я хочу с тобой еще выпить.

— А тебе не хватит?

— Ты куда? — встрепенулся и Валентин.

— Я сейчас вернусь.

Как и всегда после приступа возбуждения, когда хочется много говорить и балагурить, настроение у меня резко испортилось. Я спустился вниз. В пустом гулком вестибюле было слышно как регистраторша, сменщица Инги, по-латышски разговаривает по телефону. На балконе тоже никого не было. Я сел в шезлонг и вытянул ноги. Солнце давно зашло, наступила ясная звездная ночь. У фонарей в световых ореолах, словно снежинки, мелькали мотыльки и мошкара.

Я довольно долго сидел неподвижно, наслаждаясь тишиной и свежестью ночи. Потом снизу послышались голоса. Я подошел к краю балкона и осторожно заглянул через перила. Йонас и Боря из АПН, переговариваясь, сели на велосипеды и покатали к подъездной аллее. Я проводил их взглядом, обернулся и у перил балкона в трех шагах от себя увидел Алену.

— Дышим свежим воздухом? — сказала она. Я промолчал, и она добавила: — Такая скука! И вся эта публика... Хочу пройтись по пляжу перед сном.

Намек был достаточно прозрачным, но я сделал вид, что не понял его.

— Конечно, пройдишь. Сейчас на берегу очень хорошо. Там никого нет, и это было не будет мозолить тебе глаза.

— Кого ты имеешь в виду?

— Всю эту публику, о которой ты говоришь. В первую очередь себя, конечно, ну и доктора Павленко, Ирочку...

— Какую еще Ирочку?

— Девчущку из Любеча.

— Ах, эту... Ну, насчет себя ты, по-моему, скромничаешь.

— Нисколько. Поверь, я ничем не лучше их. Так что желаю тебе приятной прогулки, — сказал я и пошел в дом.

Больше всего на свете мне хотелось теперь завалиться спать, но, поднявшись на третий этаж, я обнаружил, что дверь нашей комнаты заперта изнутри. За ней стояла напряженная тишина. Часы в вестибюле показывали начало двенадцатого. Турбаза спала, только где-то на втором этаже еще шла гулянка.

Не зажигая верхний свет в музыкальном салоне, я прошел в дальний угол, сел в низкое кресло у окна, включил радиоприемник и не спеша стал шарить по эфиру в коротковолновом диапазоне. Сквозь шум и потрескивания до меня долетали обрывки мелодий, голоса дикторов, писк морзянки. И от этих голосов в просторной полутемной комнате, наполненной шорохами эфира, куда с током свежего ночного воздуха в открытое окно струился бледный отсвет звездного неба, я вдруг явственно почувствовал безбрежность пространств, наполненных мерцанием звезд и позывными далеких радиостанций.

Скрипнула дверь. На пороге, взглядываясь в темноту зала, стояла Ирочка. Она несмело подошла и робко спросила:

— Можно и я тут с тобой посижу?

— Ну, посиди, — сказал я не слишком приветливо и подумал, что пришла она совсем некстати. Мне ни с кем не хотелось делить мое блаженное уединение.

Ирочка тихо села в придвинутое мною кресло, и я сразу забыл о ней, потому услышал знакомую до рези в глазах, до мурашек по спине прекрасную мелодию. Чарующие голоса пели без слов в сопровождении струнных, и воздушное пиццикато вторило ангельскому пению. Эта музыка завораживала ощущением невесомости, света, какого-то невысказанного счастья. Песня то удалялась, растворяясь среди шорохов эфира, словно манила за собой, то возвращалась вновь. Наверное, так инженер Лось услышал когда-то голос Аэлиты, доносившийся к нему с красной звезды: «Сын неба, где ты?» Должно быть, сказалось мое подавленное настроение, но, помню, я подумал тогда, что в жизни не слышал такого красивого и проникновенного пения.

«John's song», — произнес глуховатый голос диктора, когда всплеском струн замер последний аккорд. Я сразу выключил приемник — после этой мелодии невозможно было слушать никакую другую музыку, — встал и только теперь вспомнил об Ирочке. В вестибюле даже при неярком свете я увидел, что девушка выглядит совершенно подавленной.

— Уже поздно, солнышко, пора спать, — сказал я как можно мягче. — Пойдем, я провожу тебя до твоих покоев.

— А ты тоже пойдешь спать?

— Еще не знаю, — сказал я, хотя знал совершенно точно, что пойду к морю и хочу пойти туда один. — Может быть, немного прогуляюсь.

— Можно и я с тобой пойду? Совсем не хочется спать.

У меня не хватило духа отказать ей.

Луна только что взошла. Непривычно большой, сверкающий серебром чуть сплюснутый диск висел низко над заливом, освещая окрестность голубоватым светом.

— Как же здесь хорошо! — с грустью сказала Ирочка.

Мы сидели на лавочке среди пустынного голубого безмолвия под мерцающим звездным небом.

— А ты чего сегодня киснешь, Цыпленок?

— Я не кисну.

— Меня не проведешь. Я же вижу. Тебя что-нибудь расстроило?

— Нет, — она покачала головой.

— Тогда в чем дело? Что можно сделать, чтобы тебе опять было хорошо?

— Ничего нельзя сделать, — вздохнула она.

Я не стал больше донимать ее расспросами и сидел молча, смотрел на черную зеркальную поверхность залива с дорожкой лунного света, на вспыхивающий огонек далекого маяка на мысу где-то у Каугури. Изредка в небе, оставляя искрящийся след, падали звезды.

— Говорят, если загадать желание, когда падает звезда, то оно обязательно исполнится.

— Мое не исполнится, — сказала Ирочка потухшим голосом.

— Почему же?

— Ах, Гера, я такая несчастливая.

— Отчего же может быть несчастливой такая милая маленькая девочка?

— Гера, не надо мной шутить. Ведь ты совсем ничего про меня не знаешь.

Она неожиданно всхлипнула и уткнулась личиком мне в плечо.

— Ну-ну, солнышко, успокойся, — сказал я ласково и обнял ее за плечи. — В твоём возрасте нет такой беды, которую нельзя поправить.

— Есть, — она снова всхлипнула.

— Расскажи, какое у тебя несчастье. Подумаем вместе, может быть, что-нибудь можно сделать, чтобы тебе помочь.

И тогда она рассказала, что уже несколько лет без памяти влюблена в друга своего отца, что совершенно извелась от этого чувства, потому что он постоянно бывает у них, но не замечает или не хочет замечать ее влюбленности и обращается с ней как с маленьким ребенком.

— Гера, ты такой взрослый, умный, скажи, как мне жить? — говорила Ирочка сквозь слезы. — Это такая мука! Ну почему он меня совсем не любит? Неужели я такая некрасивая, дурная, что он не может полюбить меня? Ведь я уже совсем взрослая!

— Ты не просто красивая, ты одна из самых очаровательных девушек, которых я встречал. А это гораздо важнее, чем быть просто красивой.

— Когда я была маленькая, он носил меня на руках, и это было такое счастье! — лепетала Ирочка сквозь слезы. — Мне до сих пор снится, как он держит меня на руках, такой сильный, красивый, веселый. А просыпаюсь, и хочется плакать, потому что ничего этого нет.

Она плакала уже всерьез, трогательно шмыгала носиком, совсем по-детски терла кулачком глаза. Горе ее казалось таким искренним и безутешным, что я почувствовал острую жалость. Я легко приподнял ее со скамьи, пересадил к себе на колени, достал платок и вытер ей слезы. Она, как ребенок, положила мне голову на плечо, обняла меня рукой за шею и притихла, только изредка сморкалась в мой платок да горестно, прерывисто вздыхала. Я держал ее на руках и тихо говорил.

— Не надо так горевать, малышка. Поверь, жизнь на этом не кончена, и в ней еще будет очень много хорошего. И у тебя еще будет настоящая, большая и красивая любовь. А сейчас тебе не надо добиваться его взаимности. Этим ты только все испортишь.

— Почему? — спросила она сквозь слезы.

— Может быть, и он тебя любит. Но если он настоящий мужчина, он никогда не признается в этом даже самому себе.

— Но почему? — повторила она.

— Подумай, ведь ты годишься ему в дочери.

— Ну и что? Разве так не бывает?

— Конечно, бывает. Но его жена — подруга твоей мамы, и если ты станешь добиваться его, ему будет неловко, и он станет тебя избегать.

— Что же мне делать?

— Ничего. Самое лучшее — оставь все как есть. Ничем не напоминай ему о своем чувстве, постарайся быть с ним простой и естественной, как будто ничего нет. И ты увидишь, он ответит тебе вниманием и добротой. Может быть, ты и добьешься того, о чем мечтаешь, и будешь принадлежать ему целиком, но поверь, это не принесет тебе счастья. В настоящей любви не это главное.

— А что же?

— Это невозможно объяснить. Слова тебе ничего не скажут. Поживешь с мое, и поймешь сама. Поймешь и то, что у твоего любимого есть жена, дети, которых он обожает и которых не оставит никогда даже ради такой чудесной девочки, как ты. И ты будешь еще больше терзаться от ревности, и тогда жизнь и для тебя, и для него превратится в настоящую пытку. Ведь ты не хочешь, чтобы он мучился и страдал?

Она потрясла головой.

— Нет.

— Поэтому не нужно ничего делать. Постепенно это чувство пройдет или, во всяком случае, уже не будет таким острым и мучительным. Это только в книжках люди любят вечно. Пройдет оно и у тебя. Но на всю жизнь останется чистое и красивое воспоминание о твоей самой первой любви. О том, что был в твоей жизни чудесный городок Любеч и жил в нем сильный, добрый и красивый человек, которого ты нежно и сильно любила. И казалось тебе тогда, что ты была очень несчастна от этой своей безответной любви. А на самом деле потом, в твоей взрослой жизни это будет вспоминаться как большое, настоящее счастье, вот увидишь. И все у тебя будет хорошо, малышка. Ты обязательно встретишь хорошего мальчика, и он полюбит тебя искренно и нежно, потому что хороший мальчик не может не полюбить такую чудесную и красивую девочку, как ты. Выйдешь за него замуж, родишь ему ребеночка или, лучше, двух. Только обязательно девочек.

— Почему не мальчиков? — всхлипнула она.

— Потому что мальчики не бывают такими красивыми. А твои дочки обязательно будут похожи на тебя. И они будут очень тебя любить, потому что ни у кого не будет такой доброй, заботливой и красивой мамы, как у них. И твой муж тоже будет тебя обожать и тоже будет носить тебя на руках, потому что носить на руках такую жену ему будет легко и очень приятно. И все вместе вы будете очень счастливы, вот увидишь.

— Почему обязательно? — она подняла голову с моего плеча.

— Потому что такая милая и добросердечная девчушка обязательно должна быть счастливой. И еще потому, что у тебя между зубками есть эта щербинка, которой ты так стесняешься. А стесняться ее совсем не надо, потому что это самый верный признак, что человек с такой щербинкой когда-нибудь будет счастлив.

— Правда?

— Зачем же мне тебя обманывать?

Она покрепче обняла меня.

— Гера, ты такой добрый, умный. И мне так с тобой хорошо.

— Я совсем даже не добрый и не умный. Просто я говорю тебе то, что есть на самом деле. А для этого не нужно никакой доброты.

Она подняла лицо, потянулась ко мне, и я несколько раз осторожно поцеловал ее влажные от слез глаза, лоб, поцеловал ее личико, избегая губ. Она вдруг задышала прерывисто и часто и ответила мне восхитительным страстным поцелуем.

— Гера! — пролепетала Ирочка, задыхаясь, и снова поцеловала меня в губы.

«Э, нет, братец, так дело не пойдет», — успел подумать я, прежде чем у меня окончательно помутилось в голове. Чего греха таить, не сразу решил я ссадить ее со своих коленей.

— Пойдем, малышка, уже поздно. Чего доброго закроют корпус, и мы не попадем домой.

Валентин наверняка высмеял бы меня за такую щепетильность. Но шагая с ней в лунном свете между сосен к турбазе, я меньше всего думал о Валентине. Я думал о том, что Ирочка очень скоро пожалела бы о своей минутной слабости, а я — о том,

что воспользовался ею. В те годы мы еще не научились упрощать такие отношения до животного примитива — в них обязательно должно было присутствовать чувство. Я не стал первопроходцем, указавшим этой девочке скользкий путь, где от мимолетного соблазна к растлению души ведет прямая и ясная дорога, особенно если на ней встречаются умелые наставники. Моя совесть неотягощена этим грешком.

Всю дорогу до турбазы Ирочка не выпускала моей руки. В полумраке пустого коридора у двери их комнаты я на прощание поцеловал ее в лоб и пожелал спокойной ночи.

День третий

На экскурсию в Сигулду я не поехал, сразу после завтрака пошел на пляж и встретил там скучающего доктора Павленко. Мы чудесно провели с ним время за разговорами и, по-моему, остались довольны друг другом. Он оказался приятным собеседником и к тому же большим почитателем Бунина. После обеда я хорошо выспался, остаток дня пребывал в прекрасном настроении, а потому даже обрадовался, когда Валентин, вернувшись из Сигулды, сказал, что они договорились отправиться вечером всей компанией в «Лидо» отметить завтрашний отъезд девушек. Я подумал, что все они, даже московские девицы, — в сущности, симпатичные и славные люди. Утром мы расстанемся, и я забуду об их существовании, а они — о моем, так стоит ли придавать значение всяким пустякам? Надо быть проще и не обращать внимания на их маленькие причуды. К тому же мне хотелось последний вечер провести с Цыпленком. Теперь я испытывал к ней прямо-таки отеческую нежность.

— Ой, мальчики, какие же вы красивые! — воскликнула Ирочка, когда мы собрались в вестибюле, чтобы ехать в Дзинтари.

Действительно, Валентин — загорелый, в голубом териленовом пиджаке и синем в мелкий белый горошек галстуке выглядел просто вызывающе красивым. Йонас в строгом синем блейзере с гербом какого-то клуба казался на редкость значительным и элегантным. Последним появился Боря из АПН, загадочный и почти неузнаваемый в своих темных очках, облаченный в двубортный белый пиджак, голубой батник и синий шейный платок.

На Турайдас ярко горели фонари. В дальнем конце улицы в просвете между деревьями тлела полоска закатного неба над заливом. Из полупустых кафе и ресторанчиков доносилась музыка, не спеша прогуливались последние курортники.

В «Лидо» мы разместились на боковом балкончике, куда вела невысокая лесенка. С нашего возвышения можно было обозревать просторный зал, площадку для танцев, невысокую эстраду. За одним из столиков неподалеку от нас я увидел своего давешнего соседа, бульдозериста из Якутии, в обществе еще двух таких же крепких плечистых мужиков и очень плотной дамы.

Цыпленка я усадил рядом с собой. Разглаживая на коленях крахмальную салфетку, она с любопытством осматривала просторный зал, публику за столиками, ярко освещенную эстраду. Там флегматичного вида пожилой пианист извлекал из черного, блестящего лаком рояля обрывки мелодий и ронял их в зал. Барабанщик теребил металлической кисточкой сверкавшую золотом тарелку своей установки, и она издавала тонкий, как шипение шампанского, звук, а конферансье, бодрячок в голубом костюме и лакированных башмаках, прохаживался по эстраде, сосредоточенно тискал пятерней подбородок, колдуя над текстом репризы. И было видно, что Ирочке все это в диковинку, что она ждет чего-то необыкновенного, волнующего и приятного.

Вообще, все у нас в этот вечер как-то ладилось — было спокойно, дружелюбно и хорошо. Молоденький официант в бабочке казался на редкость вежливым и предупредительным, а зал «Лидо» — особенно уютным. Все обещало хорошее настроение, прекрасный вечер в окружении симпатичных гуляк. Валентин, вопреки обыкновению, был молчалив и потому необыкновенно импозантен. И мне уже казалось, что Вероника, сидевшая рядом с ним, совсем не так уж чванлива, что, в сущности, она милая и славная девчужка, что я был к ней несправедлив. Она, заметив мой взгляд, победительно усмехалась — наверняка решила, что Валентин похвастался мне своими вчерашними достижениями, а значит, ее чары распространяются теперь и на меня. Впрочем, если бы она слышала его сетования, то не сидела бы теперь с видом княгини Юсуповой на известной картине Серова. «Удалось совершить таинство, но радости никакой, — жаловался Валентин. — Мероприятие получилось на редкость унылым. Ты не поверишь, но во время второго заезда я чуть не заснул. Вот тебе и московские девчужки! А сколько гонора, сколько понта!»

И только Алена своим видом портила мне настроение. Боря из АПН, сидевший на другом конце стола напротив меня, непрерывно вливал ей в ухо поток своего сознания. Она слушала его с рассеянной усмешкой и изредка бросала на меня ободряющие взгляды. Похоже, она проглотила вчерашнюю обиду, когда ей пришлось чуть ли не в полночь тащиться одной на пляж. Но теперь я не мог смотреть на нее без острой антипатии. Перед отъездом в «Лидо», когда мы собрались в вестибюле турбазы, Алена резко, почти грубо отчитала за что-то Ингу, и та расплакалась. К тому же я припомнил вчерашнюю колкость Алены в адрес Цыпленка.

Мы много танцевали. В перерыве между танцами я оставил Ирочку на попечение Йонаса и Ольги и подошел к конферансье.

— Коллега, позвольте попросить вас о маленькой любезности, — как можно душевнее сказал я.

— В чем дело?

Наклонившись с эстрады, он смотрел на меня водянистыми глазами, думая о чем-то своем. Вблизи я увидел, что у него лицо сильно пьющего человека.

— У одной из ваших посетительниц, очаровательной девушки, которая впервые в жизни приехала в вашу гостеприимную республику и впервые в жизни пришла в такой роскошный ресторан, на днях день рождения. Ей впервые в жизни исполнится восемнадцать лет. Если не трудно, скажите несколько слов в ее адрес. Для вас пустяк, а для нее незабываемое воспоминание на всю жизнь.

— Я, право, не знаю, — сказал он неуверенно.

— А если вы доставите нам удовольствие и хотя бы ненадолго присоединитесь к нам за нашим столом, то это будет вторым незабываемым воспоминанием для Ирочки.

— Ну, хорошо, — нехотя согласился он. — Только вот что. Без цветов неудобно. Если у вас найдется немного денег, я раздобуду букет.

— Конечно!

Я скороговоркой сообщил ему необходимые сведения, сунул в руку деньги и напоследок добавил:

— Сейчас я пойду с ней танцевать. Когда вы увидите, насколько она мила, у вас отпадут последние сомнения.

Конферансье объявил медленный вальс. Во время танца я норовил развернуть Цыпленка лицом к эстраде. До сих пор помню легкость ее податливого стана, плавное покачивание под сомнамбулические звуки прекрасного вальса «Fascination», мечтательное и счастливое личико Ирочки.

— А теперь, друзья, прошу минуточку внимания! — праздничным тоном возвестил конференсье, перекрывая своим усиленным динамиками голосом последние такты бостона. — Рад сообщить вам, что сегодня нам всем по-настоящему повезло. У нас в гостях самая очаровательная и красивая из всех девушек, побывавших в этом сезоне на Рижском взморье. Принцесса нашего сегодняшнего вечера Ирина Цыпленкина из города Любеча!

Он оглянулся, посмотрел на меня, и я кивнул.

— Более того, сегодня у нашей феи день рождения, и какой! Ей исполняется восемнадцать лет! Попрошу принцессу взморья на эстраду!

— Цыпленок, пошли, — сказал я и окликнул Валентина: — Валя, помоги!

Втроем мы поспешно прошли к эстраде, конференсье протянул Цыпленку руку, и мы посадили ее на невысокое возвышение. Обернувшись к залу, Ирочка замерла там, в ярком переливающимся свете. В своем нарядном белом платье, с цветами в руках, растерянная и счастливая, она была необыкновенно хороша.

— Оркестр, туш! — тоном массовика-затейника, впавшего в экстатическое состояние, завопил конференсье. — И аплодисменты! Не слышу аплодисментов, друзья, в честь королевы бала!

В зале «Лидо» дружно зааплодировали, оркестр грянул туш. Выждав, когда стихнет этот гвалт, мы с Валентином подхватили Цыпленка под руки и осторожно сняли ее с эстрады.

— Ты разве знаком с этим дядечкой? — все еще сияя возбуждением, спросила она, когда мы снова пошли танцевать. — Ну, который меня поздравил.

— Он учился в нашей разведшколе, только на кулинарном факультете.

— В разведшколе, и на кулинарном?!

— Ну и что? В разведке первое дело — добывать секретные сведения в ресторанах. Здесь люди расслабляются и могут выболтать любой секрет.

— А почему ты сказал ему, что у меня день рождения сегодня?

— Я не сказал, что сегодня. Это он сам все напутал. Он вообще все путает, поэтому его и отчислили из органов. Он с горя стал выпивать и, видишь, до чего докатился. Я и сам не ожидал его здесь встретить. Когда-то он был круглым отличником, а разве теперь скажешь?

— Ни за что не скажешь! — согласилась Ирочка. — Спасибо вам с Валею. Все так неожиданно и очень приятно получилось. Но говорят, заранее праздновать день рождения — дурная примета.

— Мы и не празднуем. Но по лунному календарю сегодня как раз двадцать второе сентября. Помнишь, какая вчера была луна?

Она с улыбкой посмотрела на меня и ничего не ответила.

Валентину хотелось потанцевать медисон. Боря из АПН, похоже, был готов на все, мы с Йонасом сначала отнекивались, говорили, что это неудобно, но потом расхрабрились и, дождавшись мелодии с подходящим ритмическим рисунком, всей компанией спустились с нашего балкона. Скоро на площадке перед эстрадой не осталось никого, кроме нас. Публика расступилась, подошли посетители, сидевшие за столиками, чтобы поглазеть на диковинный танец, и мы оказались в кольце зрителей. К нам присоединились еще несколько человек, и, подхваченные пульсирующим бодрым ритмом, мы под взглядами десятков глаз стали отплясывать медисон.

Во время поворотов и боковых шагов через несколько человек от себя я заметил знакомое лицо. Я не мог как следует разглядеть его, но мне показалось, что танцевавший с нами человек похож на Игоря Париянца — преподавателя из моего института, который вел у нас занятия по военному переводу. На курсе училось много переростков, ребят, отслуживших в армии и поработавших на производстве, и Пари-

янец был всего на три или четыре года старше нас. Он оказался приятным человеком: живым, остроумным, без всякого чванства, хотя и с легким налетом снобизма, приобретенным за время работы переводчиком за границей. Мы стали приглашать его на наши вечеринки в общежитие. Он веселился и танцевал наравне со всеми.

У меня осталось бы о нем самое приятное воспоминание, если бы не одно обстоятельство. Однажды я заметил, что моя тогдашняя подружка слегка кокетничает с симпатичным молодым преподавателем, а он отвечает на ее заигрывания. Не знаю, входил ли в ее планы более серьезный роман, но уже тогда я почувствовал, что дело не ограничится легким флиртом. Париянец поработал за границей, обзавелся «москвичом» кирпичного цвета и, конечно, очень выигрывал по сравнению с нами, безденежной студенческой шантрапой.

Увидев его в «Лидо» среди танцующих, я неожиданно для себя обнаружил, что не испытываю к нему ни малейшей неприязни, хотя пять лет назад его роман с моей девушкой доставил мне массу болезненных переживаний. И теперь, когда танец закончился, я охотно ответил на его крепкое рукопожатие и познакомил его с подошедшим Валентином.

— Давай выйдем на воздух, — предложил Париянец. — Душновато, да и не поговоришь толком в таком гаме.

Мы прошли через ярко освещенный вестибюль, весь в зеркалах, где слонялась какая-то публика и дежурили девицы легкого поведения, и остановились в нескольких шагах от входа.

— Да, здесь дышится совсем иначе, — сказал я. — Какими ветрами тебя сюда занесло?

— Мы с приятелем отдыхаем в Дубултах в Доме творчества писателей.

— Разве ты не должен быть в институте? Семестр ведь уже начался.

— Я ушел из института. Еду в Вену синхронить в МАГАТЭ.

— Поздравляю.

— Поздравлять, пожалуй, не с чем. Это в первый раз казалось событием, а по правде сказать, ничего особенного.

Я не видел его больше четырех лет, но он совсем не изменился, разве что чуточку раздобрел да взгляд стал потверже — все то же холеное лицо, добротный костюм, вальяжная самоуверенность.

— Ты со Светкой видишься? — спросил он, помолчав.

— Нет. И даже ничего не знаю о ней.

— Она после института год работала в Багдаде, потом вышла замуж. По-моему, он военный переводчик. Мы иногда встречаемся с ней, — сказал он и со значением уточнил: — Ненадолго.

— Знаешь, теперь я тебе даже благодарен за то, что ты ее у меня увел.

— Ну, зачем ты так, — мягко возразил он. — Если так рассуждать, то и жену у меня тоже увели.

— А почему бы иногда не называть вещи своими именами?

Он пристально посмотрел на меня и невесело усмехнулся.

— И то верно. А почему ты сказал, что благодарен мне за это?

— Если бы мы тогда с ней не расстались, то не было бы всего того хорошего, что было в моей жизни после нее.

— Значит, тебе повезло. А мне и вспомнить нечего. Так, чепуха какая-то.

— Наверное, мне действительно повезло.

— По крайней мере, теперь ты на меня не в обиде.

— Я и тогда был не в обиде. А то, что она спуталась с тобой, относил за счет ее здорового прагматизма. Конечно, досадно было, что она держала меня про запас.

— Раз ты теперь так говоришь об этом, значит, это уже не имеет значения.

— Это действительно давно уже не имеет значения. В любом случае я рад тебя видеть, — сказал я совершенно искренне.

И мы вернулись в зал.

— Где Цыпленок?

— Не знаю, — Валентин, занятый разговором, едва взглянул на меня.

Ни Ирочки, ни Йонаса с Ольгой за столом не было.

— Ее кто-то пригласил танцевать, — сказал Боря из АПН.

Предчувствуя недоброе, я стал сверху смотреть на танцующих и почти сразу увидел нашего Цыпленка в объятиях какого-то невысокого чернявого типа. В сильной тревоге я спустился с балкона и остановился на краю площадки для танцев. Он обхватил ее так, что, пытаясь отстраниться, Ирочка неестественно прогнулась в талии. Чернявый что-то говорил ей, не закрывая рта. На ее лице застыла гримаса замешательства, но не испуга.

Танец кончился, и ее кавалер, взяв Цыпленка под локоть, решительно повел в другой конец зала, видимо, к своему столику. Она оглянулась, нашла глазами Ольгу и улыбнулась ей не то чтобы растерянной, но какой-то жалкой улыбкой. Я увидел, что Йонас тоже не на шутку встревожен. Мы с ним обменялись взглядами, и я быстрым шагом, почти бегом, чтобы успеть догнать их, пока он не усадил ее за свой стол, устремился за Цыпленком и ее кавалером.

— Ира! — позвал я.

Она в нерешительности остановилась. Ни слова не говоря, я крепко взял ее за запястье и, не оглядываясь, повел через зал. У лесенки, ведущей на наш балкон, я остановился и выпустил ее руку.

— Ира, обещаю тебе, что никогда не будешь танцевать в ресторане с незнакомыми молодыми людьми, — очень твердо сказал я. — Дай мне честное слово.

— Но ведь тут ничего такого нет!

— Нет, но будет, не успеешь оглянуться.

— Ну что ты! Он совсем не такой. До того симпатичный! И столько мне всего наговорил приятного.

— Вот-вот! Если будешь развешивать ушки, то тебе все они покажутся симпатичными.

— Но ведь ты мне тоже всего такого в первый день наплел!

— Это совсем другое дело! Помнишь, что я сказал тебе вчера вечером на пляже? — Она кивнула. — Ничего этого не будет, если ты позволишь всяким типам заговаривать тебе зубы.

— А тебе?

— И мне тоже. Ты же должна понимать...

Я не успел договорить — кто-то дернул меня за рукав. Рядом стоял чернявый кавалер Цыпленка, а с ним — высокий красивый кавказец с волевым лицом.

— Выйдем-ка. Надо поговорить, — сказал чернявый.

Он ухитрился смотреть на меня сверху вниз, хотя был значительно ниже ростом.

— Сейчас иду, только провожу даму.

Усадив Ирочку на место, я подошел к Валентину и так, чтобы не слышали остальные, сказал ему на ухо.

— Выйди на улицу через несколько минут с Йонасом и Борей. И на всякий случай позови Игоря с его приятелем. Неизвестно, сколько их там.

У входа в «Лидо» меня ждали трое.

— Чего тебе? — обратился я к чернявому.

— Давай отойдем в сторонку, неудобно тут при людях.

Он покосился на нескольких посетителей «Лидо», вышедших проветриться. Я заметил, что говорит он с сильным акцентом.

— Чего неудобно?

— Разговаривать неудобно.

— А по-моему, очень даже удобно. У меня ни от кого нет секретов. Чего тебе надо?

— Ну, давай отойдем, чего ты боишься? — повторил он.

— А ты считаешь, что мне нечего бояться? — я смерил взглядом двух его приятелей.

— Конечно, нечего. Это же свои ребята.

— Для тебя свои, а для меня совсем чужие, — сказал я, начиная терять терпение. — Короче, чего тебе надо?

— Эта дэвушка, которую...

— Эта дэвушка, — я не удержался и передразнил его, — эта дэвушка — моя невеста, понял?

— Мужики, о чем базар? — услышал я голос Валентина.

С ними был крупный, хотя и рыхловатый на вид человек лет тридцати, очевидно, приятель Париянца. Впятером они выглядели вполне внушительно.

— Да вот товарищ интересуется... Хотел узнать, как я собираюсь жить дальше, — сказал я.

— Ты чего, парень? — Валентин уставился на моего собеседника.

— Я? Ничего. Просто стоим, разговариваем.

— Не наговорились еще? Ну и все, кончай базар. Нам надо отдыхать.

Потом мы с Ирочкой снова танцевали. До сих пор не могу забыть зачарованное сияние обращенных ко мне глаз, ее полураскрытые губы, маленькую теплую руку в моей руке. Я смотрел на нее и с грустью думал: «Какая счастливая, благодатная пора жизни. Кажется, что вокруг милые, добрые люди, которые хотят тебе только хорошего, что впереди много-много радостей и всего самого приятного». А рядом танцевали Оленька и Йонас, которые весь вечер были неразлучны. Она, грациозно склонив головку с тяжелым узлом прекрасных черных волос и опустив ресницы, с загадочной полуулыбкой слушала его. И Йонас, высокий, статный, с мужественным серьезным лицом, бережно держал ее в объятиях. Помню, я подумал тогда, что они — самая красивая пара среди танцующих. И еще я подумал, что девушки утром уедут, но мне вдруг очень захотелось, чтобы завтра Оленька и Йонас расстались не навсегда.

В зале внезапно погас свет. Вернее, погас не совсем — когда глаза привыкли к темноте, стали видны белое платье Цыпленка, белый пиджак Бори из АПН, белые манжеты мужчин, скатерти на столах — все, что было белым в зале «Лидо», теперь флуоресцировало голубоватым светом. Эффект был настолько ошеломляющим, что после общего дружного вздоха и испуганных восклицаний в наступившей темноте раздались громкие аплодисменты.

— Это тебе сюрприз от бывшего разведчика по случаю дня рождения, — сказал я Ирочке. — Они показывают этот фокус только в редких случаях.

Примерно к этому времени у Бори из АПН стали проявляться симптомы паранойи или, скорее, белой горячки. Сначала ему показалось, что официант подслушивает наши разговоры. Потом, когда где-то в зале сверкнула фотовспышка — там догуливала довольно шумная свадьба, — он встрепенулся и, стукнув кулаком по столу, воскликнул:

— Нас сфотографировали!

— Да ты что! Тебе померещилось, — успокоил его Валентин.

— Мне?! Мне померещилось?! — опрокинув стул, Боря из АПН вскочил с горящими глазами. — Я даже знаю, кто это сделал!

— Сядь и успокойся, — сказал Йонас миролюбиво. — Никому ты не нужен.

— Нет, я этого так не оставлю! — не унимался Боря из АПН.

Валентин почти силой усадил его на место, после чего он надолго впал в мрачно-нервное состояние: барабанил пальцами по столу, подозрительно озирался.

— Видишь, до чего доводит постоянное нервное напряжение, — сказал я тихо, наклонившись к Цыпленку. — Это он у себя в Бурунди дошел до ручки. Совсем просто заведовать резидентурой даже в такой Богом забытой стране. Вот и этот товарищ, видишь, совсем плохой.

Я показал глазами на конференсье, который с багровым лицом сидел рядом с Валентином.

— Отчего это он такой красный? — шепотом спросила Ирочка.

— От переживаний. Наверняка вспомнили с Валентином старых товарищей, прежние дела, вот он и расчувствовался.

Пришло время расплачиваться, и Боря из АПН царственным жестом подозвал официанта.

— Сколько с нас?

Официант перелистал свой блокнотик, шевеля губами, произвел подсчет, наклонился и тихо сказал ему на ухо несколько слов.

— Сколько?!

Официант снова наклонился к его уху.

— Проклятие! Я разорен! — воскликнул Боря из АПН в отчаянии и уронил голову на руки.

Только на улице я почувствовал, что наступила ночь. Фонари на Турайдас не горели, улица была пуста, лишь у входа в «Лидо» еще роился какой-то народ. Валентин надеялся, что мы успеем на последний автобус, но Боря из АПН требовал взять такси. Меня неожиданно отозвала в сторону Алена. Кажется, за весь вечер мы не обменялись с ней ни словом.

— Пойди-ка сюда. Мне нужна твоя помощь.

— Чем же я могу тебе помочь? — удивился я.

— У меня расстегнулась резинка на чулке. Я боюсь, что если наклонюсь, то могу упасть. Похоже, я выпила чуть-чуть лишнего. Будь другом, застегни.

— Ты бы лучше попросила Борю из АПН.

— Тебе я доверяю больше, — сказала она со смешком, который меня озадачил.

Должно быть, на трезвую голову подобная просьба смутила бы меня, но теперь такое своеобразное проявление доверия показалось мне даже забавным. Все же при ярком свете у входа в «Лидо» в присутствии полутора или двух десятков зрителей выполнять столь пикантную просьбу мне показалось не совсем удобным. Мы отошли в тень, я присел на корточки, и Алена приподняла юбку настолько, чтобы можно было добраться до застегки. В темноте, кроме белизны ее теплого упругого бедра, я ничего не видел. Приходилось действовать на ощупь. Повозившись немного, сидя на корточках и все еще не осознавая идиотизма своего положения, я сообщил:

— Она застегнута.

— Значит, я перепутала. Посмотри другую, — отозвалась она сверху из темноты и выставила вперед правую ногу.

— Эта тоже застегнута, — сказал я через полминуты.

— Выходит, мне показалось. Но, надеюсь, я тебя не слишком затруднила?

— Конечно, нет, — сказал я, вставая.

— Послушай, — сказала она, как ни в чем не бывало попыхивая сигаретой. — Что-то ты на меня сегодня дуешься, а?

— Вовсе нет. Просто ты меня немного огорчила. Вернее, разочаровала.

— Интересно, чем?

— Как ты могла обидеть Ингу? Тихая работающая девочка, всегда приветливая и услужливая. Даже если она что-то напутала, неужели надо было доводить ее до слез?

— Какую еще Ингу?

— Из регистратуры.

— Ах, вот оно что! — вспыхнула Алена. — Мало тебе этой цыпы, так ты еще и на регистраторшу глаз положил!

— Да ничего подобного!

— Рассказывай! Я вижу, ты нисколько не лучше этого тупоумного жеребца Валентина.

— Возможно. Но, по крайней мере, я не хам и никому не доставляю неприятностей, — сказал я спокойно. — И кроме того, похоже, что Вероника не считает Валентина таким уж тупоумным.

— Тоже считает.

— Однако это не помешало ей сразу оказаться у него в койке.

— А почему это должно помешать? — в ее голосе слышалась откровенная издевка.

— Тогда я молчу.

— Вот и помолчи. И имей в виду: твоя паршивая регистраторша просто дрянь. Таких надо ставить на место, и чем чаще, тем лучше.

Я почувствовал, что у меня подступила к горлу, поплыла цветными кругами в глазах лютая злоба. Но, как это бывает в минуты сильного нервного напряжения, ко мне вернулось самообладание.

— Ну вот, опять ты меня огорчаешь, — сказал я с мягким упреком. — Очень грустно, когда такая на первый взгляд приятная девушка на самом деле оказывается обыкновенной хабалкой.

Этого она не ожидала. В темноте я не мог разглядеть ее лица, но, судя по напряженному молчанию, Алена на несколько секунд впала в столбняк. Она была уверена, что полностью владеет инициативой, и потому мой ответ застал ее врасплох. Я не стал мешкать, пока она придет в себя, повернулся и пошел прочь. Боря из АПН встретил меня подозрительным взглядом.

— Такси нет, — сказал Валентин. — Твой приятель только что уехал на последней машине в Дубулты.

— А эти? — я кивнул на две машины с зелеными огоньками, стоявшие на другой стороне улицы.

— Они не хотят ехать в Плавис. Ждут пассажиров до Риги.

— Придется подождать.

Я посмотрел на часы и в темноте не сразу разглядел циферблат. Было без четверти час. Рядом с нами остановились двое гуляк из «Лидо». Третий, уронив голову на грудь, висел у них на руках, как куль, обмякший и бесформенный, с неестественно повернутыми ногами. Все трое сильно раскачивались.

— Надо отвезти его домой, — сказал один, еле ворочая языком.

— Само собой! — с трудом проговорил другой. — Не бросать же человека.

— Ни в коем случае! Ты знаешь, где он живет?

— Нет. А ты?

— И я не знаю. Как же быть?

Тут третий, висевший у них на руках, судорожно вскинул голову и проклекотал:

— Я знаю!

— Молодец! Значит, довезем. Тебя хоть как зовут-то?

Тот что-то пробулькал в ответ, и один из них обратился к нам:

— Мужики, уступите очередь на такси. Видите, человек совсем плохой.

— Придется уступить, — сказал Йонас.

— Ну, ребята, тогда это безнадежно! — возмутился Боря из АПН. — Если мы всем будем уступать, то сами никогда отсюда не уедем.

— Значит, придется идти пешком, — сказал я. — Авось нагонит автобус или попадутся попутные машины.

Сначала мы держались вместе. Первые полчаса на шоссе еще попадались машины — три или четыре легковушки, не считая тех, что ехали в сторону Риги. Ни одна из них не остановилась, хотя Боря из АПН выбежал на середину шоссе, усиленно жестикулировал, воздевал руки к небу. Пока не выветрилось спиртное, он вел себя очень беспокойно, норовил вломиться на станцию «Скорой помощи», где во дворе сгрудились машины с красными крестами, потом на повышенных тонах уговаривал милиционеров, дежуривших в отделении неподалеку от лютеранской церкви, довезти нас до Плависа.

Если бы не перспектива, по крайней мере, еще два часа тащиться по темному шоссе, прогулка могла бы показаться даже приятной — что может быть лучше в ту пору молодости, когда начинаешь ценить простые радости: безлюдная дорога, луна в редких просветах облаков, свежий ночной воздух с запахами осени. Но уже сказывалась усталость. Ирочка шла все медленнее, все больше отставала. Ее белые туфельки на каблучках-гвоздиках были плохо приспособлены для такой прогулки. Шагая рядом с ней, замедлил шаг и я. Оленька оказалась повыносливее подруги, но и она, и Йонас держались рядом с нами. Валентин с Борей из АПН и девушками из Москвы ушли вперед, и мы потеряли их из вида.

— Гера, я устала, — жалобно сказала наконец Ирочка.

— Потерпи немного. Сейчас дойдем до автобусной остановки и отдохнем. А то здесь даже негде присесть.

На ближайшей остановке мы неожиданно увидели человека. Он сидел на скамье совершенно неподвижно, и мы заметили его, лишь когда подошли вплотную. В том, что он был один на остановке глубокой ночью среди пустынного безмолвия, когда нет ни автобусов, ни пассажиров и никуда нельзя уехать, — в этой неподвижной фигуре было что-то жутковатое. Признаюсь, в первый момент я почувствовал безотчетный страх.

— Припозднились вы, однако, — сказал человек спокойно.

— Да вот опоздали на последний автобус, а попутных машин нет.

— А вам далеко?

— В Плавис.

— Ну, что ж, дело молодое...

Надо было идти дальше, но я медлил, понимая, что теперь Цыпленок будет уставать еще быстрее. Вдалеке на шоссе со стороны Плависа послышался шум мотора. Он становился все громче, и скоро мимо нас по направлению к Риге проехал странный экипаж с потушенными фарами. Не знаю, как они ухитрились разглядеть нас в темноте, но, проехав еще несколько десятков метров, колымага развернулась и, скрипнув тормозами, остановилась прямо перед нами.

— Господа, прошу садиться! — раздался из темноты голос Бори из АПН.

Это была открытая машина с большим тентом, который придавал ей сходство со старинными автомобилями начала века. Подойдя ближе, я с удивлением обнаружил, что вижу перед собой машину для разметки дорог — такие колымаги наносят

белый пунктир или сплошную линию на проезжей части улиц и шоссе. Впереди на низком сиденье водителя виднелся белый пиджак Бори из АПН.

— Прошу садиться, да побыстрее, — повторил он.

— Где ты взял такую шикарную машину? — спросил Йонас, помогая Ольге взобраться на высокую площадку под тентом, где размещались сиденья.

— Нашел, — коротко ответил Боря из АПН.

Он не знал, как включить фары, и мы катили по шоссе в полной темноте. Пахло чем-то резко, но приятно, похоже на лыжную мазь или перетопленную смолу. По сторонам от дороги на фоне серого, затянутого облаками неба маячили черные силуэты крыш и куп деревьев в садах поселков, которые мы проезжали. Я много раз ездил по этому шоссе на автобусе, большие его отрезки исходил пешком, но теперь совсем перестал ориентироваться. Местность казалась незнакомой, в окнах домов — ни огонька, кругом никаких признаков жизни, словно люди навсегда покинули этот край. Из всех ощущений остались лишь тихое урчание мотора, плавное движение да встречный ветер в лицо. Это было похоже на езду по какой-то бесконечной, без верстовых столбов, без ориентиров дороге в никуда. Должно быть, у остальных было такое же чувство — все сидели притихшие, молча всматриваясь в темноту.

К счастью, мы вовремя заметили погоню. На прямом, как линейка, шоссе, пока еще достаточно далеко от нас, сверкая синей мигалкой, следом мчалась милицейская машина.

— Братцы, это за нами! — переполошился Валентин. — А ну-ка, Боря, поддай ей копоти, авось не догонят!

— Не надейся, догонят, — спокойно сказал Йонас. — У них скорость раза в три больше. Давай-ка, Боря, сворачивай куда-нибудь в проулок. Они нас еще наверняка не видят.

Боря из АПН притормозил и, как мне показалось, почти наугад свернул направо. Раздался треск ломаемого штакетника, нас основательно встряхнуло, и колымага встала. Где-то в темноте взалхлеб лаяла собака. Боря из АПН неожиданно и очень похоже передразнил ее. Скоро сзади в просвете переулка мы увидели, как патрульная машина, оглашая спящий поселок воем сирены, на большой скорости проехала по шоссе. Очевидно, благодаря тому, что у нашей колымаги не были включены габариты, они не заметили нас.

— Кажется, пронесло, — сказал Валентин.

— Подождем, пока они проедут обратно, и двинемся дальше, — отозвался в темноте Боря из АПН.

— Нет, братцы, с меня хватит, — сказал я. — Вы как хотите, а я дальше пойду пешком.

— Ты что, испугался? — язвительно спросил Боря из АПН.

— Считай, что испугался. Во всяком случае, иметь дело с ментами не хочу. И вам не советую.

— Гера, ты зря паникуешь, — сказал Валентин.

— А я не паникую. Но тут нам светит статья за угон, — сказал я и стал слезать с колымаги.

Йонас молча последовал за мной, и мы помогли сойти нашим девушкам. Потом Валентин рассказывал, что после нашего ухода он выбрался на шоссе, спрятался в кустах и стал ждать. Минут через десять милицейская «Волга» с потушенной мигалкой и выключенной сиреной проехала в сторону Риги. Они выждали еще немного, Боря из АПН с трудом завел мотор — в темноте при тусклом свете зажигалки он никак не мог соединить нужные провода, — вырулил на шоссе, и они покатали в сто-

рону Плависа. Они боялись, что патрульная машина может вернуться и потому все время оглаживались. Около турбазы Боря из АПН высадил Веронику и Валентина. Алене он предложил поехать к нему в бунгало выпить чашечку кофе, якобы чтобы прийти в себя после потрясений этой беспокойной ночи.

А мы с Йонасом и девушками шли по пляжу. Небо совсем заволочло облаками, было безветренно и прохладно. Девушки разулись и семенили по песку босиком. Ирочка опасливо вглядывалась в темноту и жалась ко мне. Я был уверен, что в этот час на всем побережье от Леилупе до Каугури не встретишь ни души, но в километре от Плависа у спасательной станции мы наткнулись на компанию молодежи. Они были заметно навеселе, что-то возбужденно говорили, сбиваясь на латышский, допытывались, нравится ли нам на взморье, заставили нас с Йонасом выпить портвейна, пригрозив, что иначе не отпустят наших девушек. Это было сказано со смешками и прибаутками, но мне стало немного не по себе. Пришлось прямо из горла отведать отвратительного пойла, зато расстались мы друзьями.

Уже подходя к турбазе, я заметил, что небо чуть посерело, из темноты стали выступать силуэты отдельных сосен. Перед отъездом в «Лидо» я на всякий случай отомкнул шпингалеты двери на боковом балкончике третьего этажа, куда снизу вела пожарная лестница. Девушки немного трусили, но старались не показывать вида, что им страшно карабкаться наверх. К счастью, никто из обитателей турбазы не заметил, что дверь на балкон не заперта. Мы на цыпочках проводили Ирочку и Ольгу до их комнаты. Валентин не возвращался, и я оставил Йонаса досыпать остаток ночи на его кровати.

Утро четвертого дня

Признаться, я с некоторым злорадством ожидал возвращения Алены. Она опаздывала к отправлению автобуса, и, по моим предположениям, Боря из АПН должен был доставить ее к турбазе на вчерашнем асфальтоукладчике. Нетрудно было представить, какой фурор и замешательство среди обитателей нашей туристской обители мог бы произвести их приезд на столь экзотическом транспортном средстве. Мне казалось, что Алена вполне заслужила столь бесславное завершение своего пребывания в Плависе, как прибытие на этой колымаге. Однако при ее появлении мое злорадство сразу улетучилось. Я от души посочувствовал хорошенькой москвичке.

Наверняка в ту беспокойную ночь Боря из АПН уступил мне и девушке с пляжа не лучшую свою постель, а значит, с Аленой он тоже воспользовался ложем, на котором тогда кувыркался с Хрюшкой. Очевидно, что совершаемое ими таинство, как и в тот раз, сопровождалось лязганьем и скрежетом металлической арматуры их кровати. Такого Алена наверняка не ожидала. К тому же при дневном свете и на трезвую голову она имела возможность получше разглядеть Борино бунгало и экипаж, на котором они прибыли в его апартаменты. Думаю, это тоже не добавило ей веселья. И когда запыхавшийся Боря из АПН привез ее к турбазе на раме своего велосипеда — автобус, окруженный толпой провожающих, уже стоял под парами, — на девушку было тяжело смотреть. С ненакрашенными ресницами, землистым лицом, наспех заправленной в юбку блузкой, под взглядами ошарашенных туристов Алена была не похожа на себя.

А получасом раньше наш осторожный стук в дверь комнаты Ирочки и Ольги тоже произвел неожиданный переполох. Нас с Йонасом встревожило то, что девушки не пришли на завтрак. Захватив игрушечную обезьянку, мы отправились поторо-

пить их со сборами и, похоже, застали подруг в постелях. Нам пришлось довольно долго топтаться в коридоре, пока они приводили себя в порядок. По звукам, доносившимся из-за двери, можно было догадаться, что девушки поспешно укладывают вещи. Наконец Ирочка впустила нас в комнату. Я вошел вслед за Йонасом, держа игрушку за спиной.

— Заранее праздновать день рождения нельзя, но подарок сделать очень даже можно, — сказал я и протянул Ирочке обезьянку.

Она замерла с широко открытыми глазами, потом всплеснула руками.

— Какая прелесть!

Взяв игрушку, она одной рукой обняла меня за шею и крепко поцеловала в щеку.

— Спасибо тебе, Герочка! Ты даже не представляешь, какой подарок ты мне сделал!

Ирочка чмокнула обезьянку в нос, прижала ее к груди и засмеялась своим серебристым смехом.

— Чего ты так обрадовалась? — удивился я. — Как будто я тебе подарил Бог весть что.

— Как, ты разве не знаешь?! Ведь обезьяны приносят счастье!

— Первый раз слышу. — Я обернулся к Ольге. — Это правда?

Девушка молча кивнула, взяла игрушку и, разглядывая ее, сказала:

— И правда прелесть.

Мы отнесли их чемоданы в автобус и вышли наружу, где среди провожающих я увидел Валентина и Веронику. Оленька молча стояла рядом с Йонасом и выглядела очень расстроенной. Ирочка, наоборот, была оживлена и щебетала без умолку — похоже, ее не слишком огорчал предстоящий отъезд. Но я не слушал болтовню Цыпленка. Подняв глаза, прямо перед собой в окне автобуса я увидел девушку с пляжа. Она сквозь стекло смотрела на меня своими словно заплаканными глазами с выражением незащитности, которое так тронуло меня в тот вечер на веранде у Бори из АПН. В ее взгляде не было ни упрека, ни сожаления, только застарелая грусть и, может быть, немного нежности. Я почувствовал, что надо бы пойти попрощаться, но что-то удержало меня. Скорее всего, я постеснялся обнаружить перед Йонасом, Ирочкой, Вероникой, что знаком с этой невзрачной девочкой. Я не выдержал ее взгляда, отвернулся и не раз потом жалел, что не расстался с ней по-человечески.

— А вот и главная гордость отечественных разведслужб, — сказала Ирочка, довольно удачно передразнив мою интонацию, и лукаво посмотрела на меня.

Мимо нас с красным от напряжения лицом проехал Боря из АПН с Аленой на раме. Бросив велосипед, они устремились вверх по лестнице. Я испытующе уставился на Цыпленка.

— Ты что, догадалась?

— О чем? Что ты все напридумывал про разведку? Конечно, догадалась! — сказала она с улыбкой.

— Когда?

— Когда ты сказал про этого дядечку в «Лидо», который меня поздравил и подарил цветы, что он учился в разведшколе на кулинарном факультете. Я сразу поняла: он никогда не мог быть отличником! Но ты не расстраивайся, — добавила Ирочка, заглядывая мне в лицо. — Все равно получилось очень интересно и симпатично: про разведчиков, про Бурунди, про клопов.

— А я и не расстраиваюсь. Тем более что в каждой шутке есть доля правды. Так что не все тут было выдумкой.

— Тогда чем же?

— Считаю это игрой воображения.

— А все остальное тоже?

— Что — остальное?

— То, о чем ты рассказал мне тогда на пляже — про хорошего мальчика, который будет носить на руках, про дочурок и про все остальное, — тоже игра воображения?

— Это зависит только от тебя. Если не наделаешь глупостей, все так и будет...

Она хотела что-то сказать, но тут шофер завел мотор, и все стали усаживаться в автобус. Вероника встревоженно озиралась — Алены все еще не было. Валентин подошел к кабине водителя и постучал в стекло.

— Шеф, обожди! Еще не все сели!

Оленька поочередно подала нам руку, а Ирочка, привстав на цыпочки, торопливо чмокнула в щеку Валентина, Йонаса и меня.

— До свидания, мальчики! И спасибо вам за все!

Я не решился пожать руку Веронике, но, отвесив ей учтивый полупоклон, сказал как можно дружелюбнее:

— Всего хорошего, Вероника. Приятно было познакомиться.

Сказал и подумал, что знакомство у нас получилось странное. За все время я не обменялся с ней ни единым словом. Она в замешательстве воззрилась на меня, очевидно, не зная, что ответить, и промолчала.

Примчался запыхавшийся Боря из АПН, а за ним — Алена. Из-под крышки наспех уложенного чемодана торчало ее белье. Со скрипом закрылись двери, взревел мотор, и автобус тронулся. Вокруг махали руками, слышались возбужденные восклицания, смех. Ирочка, высунувшись из окна, посылала нам воздушные поцелуи. Промелькнули лица Оленьки, Вероники, девушки с пляжа, и, набирая ход, автобус покатил к подъездной аллее.

— Ну, теперь часок поспим и снова в бой, — сказал Валентин и засмеялся.

Эпилог

После их отъезда мы оставались в Плависе до конца следующей недели. Стояла необычно теплая для сентября погода. Как и прежде, мы почти все время проводили на пляже, но теперь меня не радовали ни солнце, ни новые знакомства — я с удивлением обнаружил, что привязался к Ирочке и после ее отъезда не на шутку затосковал. Пытаясь развеяться, я два раза ездил в пивную на открытом воздухе под большим шатром с соломенной крышей, которая открылась в тот год в Леилупе возле станции, наведаясь в Каугури, надеясь разыскать Алдону. Однако в столовой торгового центра девушка на раздаче сказала, что Алдона в отпуске, а ее адрес я спросить не решился.

А за два дня до нашего отъезда из Плависа Инга подала мне извещение на получение почтовой бандероли. Теряясь в догадках — никто из моих знакомых не знал адрес турбазы, — я отправился на почту. Фамилия отправителя — Олейник — была мне незнакома, но на штампе почтового отделения я разобрал название города, откуда пришла бандероль, — Любеч. Стоя возле почты, где в палисаднике, увядая, благоухали флоксы, я с внезапным волнением вскрыл пакет и достал из него очаровательного желтого цыпленка с бусинками лукавых глаз, сделанного из какого-то синтетического пуха. На доннышке картонной подставки округлым школьным почерком было выведено: «Мои дорогие, милые и добрые опекуны! Не скучайте, я с вами!»

На этом я хотел закончить рассказ о том, как тем далеким летом, запомнившимся жарой и лесными пожарами, мы встретились и расстались с девушкой из Любеча.

Однако сама жизнь дала ему другое окончание. Лет десять спустя Валентин случайно столкнулся с Ирочкой в аэропорту Шереметьево. Она обрадовалась встрече и рассказала, что на следующий год после нашего знакомства в Плависе поступила в Москву в Институт иностранных языков, на третьем курсе вышла замуж за выпускника высшей школы переводчиков, перешла на заочное отделение и уехала с мужем в Нью-Йорк — его распределили на работу в ООН. Они прожили в Америке четыре года, она родила двух чудесных малышек. Потом ее муж поступил в дипломатическую академию и теперь работает в посольстве то ли в Уганде, то ли в Бурунди — этого Валентин не запомнил. По его словам, Ирочка немного похудела, но в остальном почти не изменилась и, кажется, вполне довольна жизнью. Мне она привет не передала.

Прошло еще около пятнадцати лет. Однажды в Москве у какого-то посольского особняка в районе улицы Алексея Толстого мне преградила путь небольшая толпа зевак, собравшихся поглазеть на экзотическое зрелище. В посольство на дипломатический прием съезжались гости. У тротуара остановился очередной автомобиль, и в даме, которая вышла из него, я сразу узнал нашу Ирочку. Рядом с ней, чуть прихрамывая, шагал щеголеватый пожилой господин. Я впился в них глазами и разом охватил все: ее шубку из какого-то драгоценного переливающегося меха, блестящий черный лимузин с шофером в униформе, ее холеного спутника с тростью.

Похоже, все сбылось. Ирочка получила от жизни то, о чем мечтает каждый. Теперь ее красивые светло-карие глаза смотрели холодно и бесстрастно, а на лице застыла гримаска едва уловимого высокомерия. В ней не осталось ничего от той прелестной смешливой девочки, с которой мы познакомились когда-то на Рижском взморье.

Послесловие

В молодые годы мне нередко казалось, что прочитанная повесть или роман — не вымысел автора, а рассказ о подлинных событиях и людях, существовавших в действительности. Порой мне хотелось побольше узнать о них, о том, как сложилась их судьба после того, как перевернута последняя страница книги. Если и читателя посещают иногда подобные фантазии, то у меня есть возможность сообщить некоторые сведения о героях этой повести.

Валентин существует реально, хотя и под другим именем. Замысловатый дрейф по жизни в конце концов привел его в Чернобыль, где он несколько лет работал дозиметристом на саркофаге. Все заработанные деньги он вложил в какую-то фирму в расчете обзавестись «рэндж-ровером», производство которого обещали наладить на средства вкладчиков ее устроители. Фирма оказалась одной из наших финансовых пирамид, вскоре лопнула, и Валентин потерял все свои сбережения. Несколько лет назад его прооперировали по поводу онкологии, к счастью, удачно. Теперь он на пенсии и половину года проводит у себя в деревне под Муромом.

Валерий Алексеевич Павленко в своей реальной жизни был главным санитарным врачом города Владимира. Вскоре после нашего возвращения из Плависа мы с Валентином ездили к нему в гости, и он устроил нам поистине царский прием в трапезной Суздаля. После этого след его затерялся. Реально существовал и Боря из АПН, но, кроме тех сведений, которые есть в этой повести, я о нем ничего не знаю. Помню только, что его бунгало на взморье почему-то было завалено снаряжением для катания на водных лыжах, хотя кататься там на них было решительно негде. Алдону действительно звали Алдоной, и когда мы познакомились с ней в автобусе по дороге из Дзинтари, у нее на пальце были два обручальных кольца. Она действительно рабо-

тала в торговом центре, но к тому времени, когда через несколько лет я приехал отдыхать в Каугури — уже с семьей, — она уволилась из столовой.

И лишь в образе Цыпленка соединились два персонажа. Одна — очаровательная девочка, с которой мы познакомились когда-то на турбазе Рижского взморья и которую вместе с Валентином опекали и берегли. Она действительно прислала мне бандероль с игрушечным цыпленком за два дня до нашего отъезда из Плависа, но больше я никогда ее не видел и не знаю, как сложилась ее судьба. Мне хочется думать, что в своей взрослой жизни она была счастлива, поэтому я дал ей судьбу другой знакомой девочки, которую тоже всячески берег и опекал и которой однажды в день рождения подарил игрушечную обезьянку. А потому учеба в Институте иностранных языков, дипломатическая карьера ее мужа, двое детей — все это правда. Лишь эпизод у посольства на улице Алексея Толстого с гримаской чванливости на личике бывшего Цыпленка — дань поветриям времени.

Когда-то Хемингуэй писал своему русскому переводчику Ивану Кашкину примерно следующее: книга должна быть такой, чтобы остаться в памяти читателя, словно часть его собственной жизни. Не поручусь за дословную точность высказывания, но смысл его был именно такой. Как знать, может быть, и в этой повести удалось хотя бы отчасти передать ощущение нашей молодой, свободной и беспечной жизни. Как знать, может быть, теперь не только автору этих строчек, но и читателю среди повседневных забот, тревог, усталости и суеты, словно реальный миг прошлого, вспомнится однажды тот солнечный берег, та ночь в «Лидо» и лунный вечер на пляже, когда она сидела у меня на коленях, а я целовал ее мокрое от слез лицо.